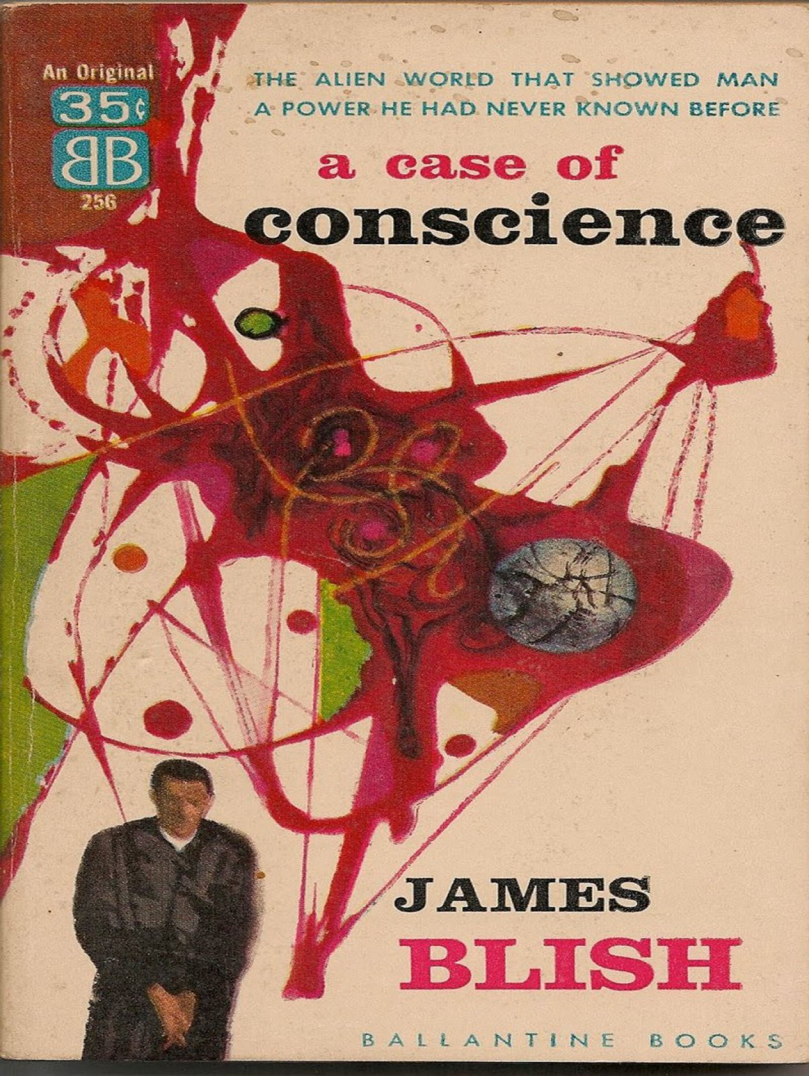
An Original
35¢
BB
256

THE ALIEN WORLD THAT SHOWED MAN
A POWER HE HAD NEVER KNOWN BEFORE

a case of conscience



JAMES BLISH

BALLANTINE BOOKS

Аргументы совести

Джеймс Бенджамин Блиш

Джеймс Блиш. АРГУМЕНТЫ СОВЕСТИ
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

Джеймс Блиш
АРГУМЕНТЫ СОВЕСТИ

I

Каменная дверь с шумом захлопнулась. Это было отличительным знаком Кливера: как бы ни была тяжела дверь, как бы ни была она хорошо подогнана, ничто не мешало ему заходить с грохотом, который напоминал о Страшном Суде. И ни одна планета во вселенной не обладала атмосферой достаточно плотной и насыщенной влагой, чтобы приглушить этот грохот. Даже Лития.

Руиз-Санчес продолжал читать. Суетливым пальцам Кливера потребуется еще немало времени, чтобы расстегнуть комбинезон, а между тем, проблема остается. Впервые эта проблема возникла еще в 1939 году, но за прошедшее с тех пор столетие Церкви так и не удалось разрешить ее. Она была дьявольски запутанной (это удачно подобранное прилагательное служило ее официальным определением). Даже роман, который давал ключи к ее решению был занесен в Список книг запрещенных Католической Церковью и Его Преподобие, Отец Рамон Руиз-Санчес был допущен к нему только благодаря заслугам его монашеского Ордена. Едва слыша возню и

невнятное бормотание в холле, он перевернул страницу. Повествование разворачивалось перед ним, становясь с каждым словом все более запутанным, более зловещим, более непостижимым:

«… и Магравиус знал от соглядатаев, что Анита прежде уже совершила двойное святотатство с Мишелем, vulgo[1] Церуларіуса, пожизненного наставника, который хотел обольстить Евгениуса. Магравиус угрожал отдать Аниту на поругание Сулле, настоящему дикарю (и предводителю банды из двенадцати наемников, Сулливанцев), который желал свести Фелицию с четырьмя землекопами — Грегориусом, Лео, Вителиусом и Макдугалиусом, если она не уступит ему, а также не обманет Гонуфриуса, исполняя по его требованию супружеские обязанности. Анита, которая утверждала, что получала кровосмесительные предложения со стороны Иеремии и Евгениуса —» Здесь он снова запутался и покорно вернулся назад. Иеремия и Евгениус были —? Ах да, с самого начала они были «братскими любовниками», состоявшими в самом отдаленном кровном родстве как с Фелицией, так и с Гонуфриусом — а тот несомненно был первым злодеем и мужем

[1] Примечания: 1
vulgo — зд. слуга *(лат.) (здесь и далее прим пер.)*

Аниты. Кажется именно Магравиус восхищался Гонуфриусом, кого раб по имени Маритиус понуждал домогаться Аниты и, казалось, делал это по желанию самого Гонуфриуса. Это, однако, стало известно Аните через ее камеристку Фортиссу, которая в это время, или, когда-то до этого, была гражданской женой самого Маритиуса и родила ему детей — так что все случившееся нужно было оценивать с предельной осторожностью. Нельзя было забывать и о том, что первоначальное признание Гонуфриуса было сделано под пыткой — и хотя наверняка добровольно, но, тем не менее, под пыткой. По предположению Отца Уэра взаимоотношения между Фортиссой и Мауритисом были даже более неясными, хотя, конечно, его соображения могли подтвердиться если учесть публичное покаяние Суллы после смерти Каникулы, которая была — да, это было верно — второй женой Мауритиса. Нет, его первой женой; он никогда не женился на Фортиссе законно. Здесь его смутило именно вожделение Магравиуса к Фелиции после смерти Джилии.

— Рамон, помоги мне! — вдруг крикнул Кливер. — Я запутался и — и плохо себя чувствую.

Иезуит-биолог встревоженно встал. Такого от Кливера он еще не слышал.

Физик сидел на сплетенном из тростника пуфе из которого, под тяжестью его тела выдавливался набитый внутрь мох. Он почти выбрался из своего комбинезона из стекловолокна и, хотя шлем уже был снят, побледневшее лицо было мокрым от пота. Его пальцы неуверенно тянули замок заклинившей молнии.

— Поль! Почему же ты сразу не сказал что болен? Ладно, оставим разговоры, легче от них не станет. Что случилось?

— Точно не знаю, — тяжело дыша сказал Кливер и оставил молнию в покое. Руиз-Санчес стал возле него на колени и начал осторожно высвобождать замок. — Бродил по джунглям в поисках новых залежей пегматита — я все время думаю о том, что возможно именно здесь будет построен опытный завод по производству трития, поэтому нужно, чтобы поблизости было как можно больше сырья.

— Боже упаси, — тихо сказал Руиз-Санчес.

— Да? Как бы то ни было я ничего не нашел. Несколько ящериц, кузнечики — все как обычно. Потом я налетел на похожее на ананас растение и одна из его игл проколола комбинезон и угодила в меня. Как будто ничего страшного, но — Но ведь мы носим комбинезоны не для

развлечения. Давай осмотрим рану. Ну, вытяни ноги, я стяну ботинки. Куда тебя укололо — ого. Выглядит отвратительно. Не ожидал. Что-нибудь еще беспокоит?

— Саднит во рту, — пожаловался Кливер.

— Скажи, а-а, — скомандовал иезуит. Когда Кливер открыл рот, стало очевидно, что его жалобу можно было назвать преуменьшением года. Слизистая оболочка его рта была усеяна безобразными и несомненно болезненными язвами, их края были так отчетливы, как будто их вырезали ножом.

Тем не менее, Руиз-Санчес молча придал своему лицу самое обычное выражение. Он понимал, что должен максимально облегчить страдания физика. Чужая планета это не лучшее место, чтобы лишать человека его внутренней защиты. — Идем в лабораторию, — сказал он. — У тебя легкое воспаление.

Кливер встал и неуверенно ступая пошел за иезуитом в лабораторию. Там Руиз-Санчес взял с нескольких язв мазки для исследования под микроскопом. Пока готовились препараты он, как обычно, возился с зеркальцем подсветки предметного стекла, устанавливая его на сверкающую белую тучу. Когда таймер просигналил что

препараты готовы, он подсушил на огне первый слайд и закрепил его зажимами.

Его опасения подтвердились — он увидел несколько бацилл, которые могли свидетельствовать о случае обыкновенной земной ангины, заболевании которое было очевидно уже по клинической картине. Флора полости рта была в норме, хотя из-за заражения тканей возрастала.

— Сделаю тебе инъекцию, — мягко сказал Руиз-Санчес. — А потом тебе лучше будет прилечь.

— К черту, — сказал Кливер. — Я сделал лишь десятую часть запланированной работы.

— Болезнь никогда не бывает своевременной, — согласился Руиз-Санчес. Не стоит беспокоиться о потере одного-двух дней, если ты все равно уже слег.

— Чем я заразился? — подозрительно спросил Кливер.

— Ты ничем не заразился, — почти с сожалением сказал Руиз-Санчес. — Именно так, ничем не заразился. Но твой «ананас» оказал тебе плохую услугу. Большинство растений этого вида на Литии имеют колючки или листья которые покрыты ядовитыми для нас полисахаридами. Сегодня ты получил порцию именно такого глюкозида. Он вызывает симптомы сходные с

обложением полости рта, но от его действия избавиться сложнее.

— Сколько это будет продолжаться? — сказал Кливер. Он все еще бравировал, но теперь уже не так уверенно.

— Не дольше нескольких дней — до тех пор, пока у тебя не восстановится иммунитет. Я введу тебе гаммаглобулин который будет бороться именно с этим глюкозидом и, пока твой организм не выработает собственный высокий титр антител, это лекарство должно замедлить развитие симптомов. Но, Поль, пока этот процесс будет развиваться, у тебя может значительно повыситься температура, а так как в этом климате опасна даже незначительная горячка, я напичкаю тебя жаропонижающим.

— Это я знаю, — успокоившись сказал Кливер. — Чем больше я узнаю об этой планете, тем менее я расположен голосовать «За» когда придет время. Ну, давай, делай инъекцию — и неси свой аспирин. Мне кажется я должен радоваться, что это не микробная инфекция, иначе Гадюки замучили бы меня антибиотиками.

— Маловероятно, — сказал Руиз-Санчес. — Уверен, что литиане имеют, по крайней мере, сотню разных антибиотиков, которые мы, в конце кон-

цов, могли бы использовать, но все дело в том — тут ты можешь быть спокоен — что прежде всего нам нужно основательно, с азов, изучить их фармакологию. Так что Поль, готовь гамак. Через десять минут ты будешь не рад, что родился на белый свет, это я тебе обещаю.

Кливер усмехнулся. Даже в болезни его волевое лицо не лишилось своей силы. Он встал и медленно опускал рукав. — Даже не сомневаюсь за что ты проголосуешь, — сказал он. Тебе нравится эта планета, ведь правда, Рамон? Насколько я понимаю, это рай для биолога.

— Она и в правду мне нравится, — улыбаясь в ответ, сказал священник. Он отвел Кливера в небольшую комнату которая служила им обоим спальней. Если не обращать внимание на окно, комната очень напоминала внутренность горшка. Искривленные продолговатые стены были сделаны из какого-то керамического материала, который никогда не был влажным, но, в то же время, никогда не пересыхал. Гамаки были растянуты на крюках, которые выступали прямо из стен. — Но не забывай, что Лития, это моя первая планета вне Солнечной системы. Думаю я буду восхищаться любым новым обитаемым миром. Бесконечная изменчивость форм жизни,

и восхитительная завершенность каждой… Это удивительно и просто поражает.

Кливер грузно развалился в своем гамаке. Через некоторое время, Руиз-Санчес позволил себе закинуть в гамак ногу Кливера, о которой тот казалось забыл. Кливер не обратил на это внимание. Лекарство начинало действовать.

— Не читай надо мной молитву, отец, — сказал Кливер. Потом добавил: — Извини, я не хотел тебя обидеть… Но для физика, эта планета сущий ад… Лучше дай мне твой аспирин. Меня знобит.

— Конечно. Руиз-Санчес быстро вернулся в лабораторию и приготовил в одной из великолепных литианских ступок салицилово-барбитуратную смесь. Он пожалел, что не может отпечатать на получившихся пилюлях фирменное клеймо «Bayer»[2] пока они не отвердели — если Кливер лечился от всех болезней аспирином, то было бы хорошо, чтобы он думал, что принимает именно это лекарство — но такой прессформы у него не было. Взяв две пилюли, кружку и графин с профильтрованной водой, он пошел к Кливеру.

Кливер уже заснул, но Руиз-Санчес разбудил его. Если сейчас он позволит такое бессердечие,

---

[2] Примечания: 2

«Bayer» — фармацевтическая компания.

то Кливер будет спать дольше и проснется уже почти здоровым. Так и произошло, что он даже не понял, что принимает лекарство и очень скоро снова послышалось его глубокое спокойное дыхание.

Покончив с этим, Руиз-Санчес вернулся в холл, сел там и начал внимательно осматривать комбинезон. Он быстро нашел сделанную колючкой дыру и понял, что залатать ее будет несложно. Гораздо труднее будет убедить Кливера в том, что их защита неуязвима и, что они могут беззаботно продираться через заросли. Руиз-Санчес сомневался что остальные двое членов Комиссии верили в надежность комбинезонов.

Кливер назвал уколовшее его растение «ананасом». Любой биолог объяснил бы Кливеру, что дикорастущий ананас даже на Земле является небезопасным растением, плоды которого принимают в пищу лишь в случае крайней необходимости. Руиз-Санчес припоминал, что на Гавайях пробраться через тропический лес без тяжелых ботинок и брюк из плотной ткани было практически невозможно. Густо растущие, гибкие побеги дикорастущих ананасов могли серьезно изранить незащищенные ноги. Иезуит вывернул комбинезон наизнанку. Заклинившая

молния была сделана из пластмассы, молекулы которой включали в себя радикалы различных веществ защищающих изделие от воздействия земных грибков. Литианские грибки реагировали на эти вещества так же, как и земные, но сложная молекула пластмассы под воздействием литианской жары и влажности иногда подвергалась полимеризации. Именно это и произошло. Один из зубцов молнии изменил свою форму и стал похож на кукурузное зернышко.

Между тем стемнело. Раздался приглушенный хлопок и комната осветилась маленькими бледно-желтыми огоньками из углублений в каждой стене. Это горел природный газ, запасы которого на Литии были неисчерпаемы. Огонь зажигался путем адсорбции катализатора при поступлении газа. Перемещая изготовленный из лыка кожух, который служил решеткой и рамой для огнеупорного стекла, пламя можно было делать ярче, но священник предпочитал желтый огонь которым пользовались литиане и включал яркий свет только в лаборатории.

Конечно земляне не могли обойтись без электричества, поэтому им пришлось привезти с собой электрогенераторы. Литиане изучили электростатическое электричество значительно

лучше, чем земляне, но об электродинамике они знали сравнительно мало. Естественных магнитов на планете не было, поэтому магнетизм они открыли лишь несколько лет назад. Впервые магнитные свойства здесь обнаружили не у железа, которого здесь почти не было, а у жидкого кислорода — трудно представить себе более невероятный материал для изготовления электромагнитного сердечника!

По земным представлениям цивилизация Литии развивалась весьма странно. Высокорослый ящероподобный народ создал несколько огромных электростатических генераторов и множество небольших, но здесь не имели понятия о телефоне. Литиане чрезвычайно много знали о практическом использовании электролиза, но передавать электричество на большие расстояния — например в километр — считалось невозможным. У них не было электромоторов подобных земным, но они совершали межконтинентальные перелеты на реактивных самолетах использующих статическое электричество. Кливер говорил, что знает как они достигли этого, но Руиз-Санчес разумеется ничего не понимал.

Литиане создали совершенную систему радиосвязи, которая совместно с другими устройствами

обеспечивала постоянно действующую всепланетную навигационную сеть заземленную (и это, возможно, олицетворяло парадоксальность литианского мышления) на дерево. При этом они так и не создали промышленного образца электронной лампы, а в теории атома не ушли дальше Демокрита!

Эти парадоксы, конечно объяснялись отсутствием на планете определенных химических веществ. Как любая большая вращающаяся масса, Лития обладала собственным магнитным полем, но почти полное отсутствие на планете железа ограничило возможности ее обитателей в открытии явления магнетизма. У них не было стройной теории атома, потому что до прибытия землян здесь не знали о явлении радиоактивности. Подобно древним грекам, литиане открыли, что при трении шелка и стекла получается заряд одной полярности, а при трении шелка и янтаря — другой. Отсюда они пришли к электростатическим генераторам, электрохимии и статическому реактивному двигателю — но без соответствующих металлов не смогли создать батареи или исследовать электричество в движении.

Там, где природа создала им нормальные условия, они достигли выдающихся результатов.

Несмотря на постоянную облачность и бесконечно моросящий дождь, их описательная астрономия была великолепна, так как имеющаяся у планеты небольшая луна издавна пробудила в них интерес к внешнему миру. Это, в свою очередь, способствовало фундаментальным достижениям в оптике. Их химия полностью воспользовалась морем и джунглями. Из первого они добывали самые разные жизненно важные продукты, такие как агар, йод, соль, редкие металлы и самую разнообразную пищу. Джунгли обеспечивали их всем необходимым: смолами, каучуком, древесиной разной твердости, съедобными и техническими маслами, овощами, веревками и другими волокнами, фруктами и орехами, танином, красителями, лекарствами, пробкой, бумагой. В лесу они не использовали только животных и понять такое отношения было невозможно. Иезуит видел в этом религиозность — хотя у литиан не было религии, и они без предубеждений питались многими морскими животными.

Он со вздохом уронил на колени комбинезон, хотя изуродованный зубец продолжал заклинивать замок. Снаружи, во влажной темноте, Лития давала концерт. Этот непривычный, но

бодрящий и как-то освежающий шум, охватывал большую часть доступного человеку звукового диапазона. Это радовались жизни неисчислимые литийские насекомые. В дополнение к похожим на издаваемые их земными сородичами скрипению, стрекоту и шелесту крыльев, многие из них пели металлическими голосами и передразнивали трели птиц. Так ли звучал Рай, прежде чем в мир пришло зло? Руиз-Санчес размышлял над этим вопросом. На его родине, в Перу он не слыхал таких песен. Угрызения совести — вот что в конечном счете представляет интерес для него, но никак не систематические дебри биологии в которых почти безнадежно запутались на Земле еще до того как космические полеты добавили новые загадки. То что литиане были двуногими сумчатыми рептилиями с необычной системой кровообращения было действительно интересно. Но по настоящему имели значение лишь их угрызения совести — если у них вообще была совесть.

Он и еще трое людей прибыли на Литию, чтобы определить можно ли использовать эту планету в качестве порта захода для земных кораблей не мешая при этом ни землянам, ни литианам. Остальные трое были прежде всего учеными, но выводы Руиза-Санчеса в конечном итоге будут

зависеть от совести, а не от систематики.

Он озабоченно рассматривал испорченный комбинезон когда услышал стон Кливера. Он встал и вышел, оставив в комнате тихо шипящие огоньки.

II

Из овального переднего окна дома в котором жили Кливер и Руиз-Санчес, открывался вид на обманчиво безопасную равнину простирающуюся до размытого южного берега залива Нижний, части пролива Сфэт. Как и везде на Литии, большая часть взморья представляла собой соленые топи. Во время прилива, вода, заливая мелководье, подходила к дому почти вдвое ближе. Во время отлива, как например сегодня, симфония джунглей дополнялась неистовым лаем стаи легочных рыб. Иногда, когда сквозь облака проглядывала маленькая луна и свет из города был ярче обычного, можно было увидеть прыгающие тени каких-то амфибий или сигмообразный след охотящегося неподалеку литианского крокодила.

Еще дальше находился обычно невидимый даже днем из-за непроглядного тумана противоположный берег залива, который тоже начинался с заливаемого приливом мелководья, переходящего в протянувшиеся на сотни километров к экваториальному морю джунгли.

Из расположенной в задней части дома спальни открывался вид на остальную часть Ксоредешч Сфэта, главного города огромного южного континента. Удивительно, но землянам было трудно обнаружить даже такой огромный город. Литианские дома возводились из выкопанной из фундамента земли, поэтому они были невысокими и сливались с ландшафтом даже в глазах опытного наблюдателя.

Большинство домов старой постройки были сложены из прессованных земляных блоков без использования скрепляющего раствора. За десятилетия блоки спрессовывались и соединялись так, что проще было построить новый дом, чем разрушить старый. Одну из первых неудач на Литии земляне потерпели когда наивно предложили сравнять с землей одно из таких строений при помощи неизвестного литианам направленного гравитационного взрыва. Предстояло разрушить большой толстостенный прямоугольный дом которому было уже около трехсот литианских лет. Взрыв сопровождался сильным грохотом, ужасно напугавшим литиан, но когда все закончилось, здание стояло целым и невредимым.

Новые здания были более заметны после за-

хода солнца, потому что последние полвека литиане начали применять в строительстве свои огромные знания в керамике. Новые здания принимали причудливые квази-биологические очертания, аналоги которым было невозможно найти в окружающем мире. Хотя каждое здание строилось в соответствии со вкусом его хозяина и было единственным в своем роде, по его виду легко было понять из какой земли оно возведено. Новые дома хорошо смотрелись на фоне почвы и джунглей, но так как большинство из них были глазурованы, они ослепительно сверкали если во время немногих солнечных дней солнце и наблюдатель располагались под определенным углом к поверхности строений. Именно эти блики, замеченные землянами при облете планеты, впервые натолкнули их на мысль о возможности существования разумной жизни в непроходимых литианских джунглях.

Идя к гамаку Кливера Руиз-Санчес наверное уже в десятитысячный раз окинул город взглядом через окно спальни. Ксоредешч Сфэт был для него живым городом — каждый раз другим. Руиз-Санчес физически ощущал неповторимость его красоты.

Он проверил пульс Кливера и послушал его

дыхание. И то, и другое было учащенным даже для Литии, где высокое давление двуокиси углерода стимулировало дыхательный рефлекс. Тем не менее, священник решил, что Кливер был вне опасности. Сейчас он спал чрезвычайно крепко и его можно было ненадолго оставить без присмотра.

Конечно если в город забредет дикий аллозавр… Но вероятность его появления была не выше того, что в центр Нью-Дели проберется оставленный без присмотра слон. Это могло произойти теоретически, но на деле никогда не происходило. А кроме аллозавра на Литии не было других опасных животных, способных забраться в закрытый дом.

Руиз-Санчес убедился, что в графине стоящем в нише рядом с гамаком есть свежая вода, вышел в холл и надел ботинки, длинный плащ и водонепроницаемую шляпу. Он открыл каменную дверь и, обдуваемый порывами резко пахнущего морем воздуха, оказался прямо посреди ночного шума. Моросил дождь, рассеянная в воздухе влага обрамляла цветными кругами огни Ксоредешч Сфэта. Огни двигались также где-то далеко на воде. Наверное это шел колесный паром на Илит, огромный расположенный поперек Верхнего

залива остров, который отделял пролив Сфэт от экваториального моря.

Повернув установленное снаружи колесо, Руиз-Санчес запер дверь. Он достал из кармана плаща мелок и написал по-литиански на специальной прикрытой защитным козырьком доске «Здесь болезнь». Этого было достаточно. Любой желающий мог открыть дверь просто повернув колесо, но литианское общество были чрезвычайно высоко социально организовано, и литиане блюли общественные условности как если бы это были законы природы.

После этого Руиз-Санчес направился в центр города к Дереву Связи. Асфальтовые улицы сверкали от желтого света пробивающегося из окон и белого из далеко стоящих друг от друга, прикрытых колпаками фонарей. Хотя на улице в это время почти никого не было, иногда он проходил мимо восьмифутовой кенгуроподобной фигуры литианина и тогда оба с искренним любопытством разглядывали друг друга. По вечерам литиане не выходили из домов и занимались там чем-то таким, о чем Руиз-Санчес не имел представления. За овальными окнами домов мимо которых он проходил, он часто видел движущиеся поодиночке, парами и по трое фигуры. Иногда

казалось что они разговаривают.

О чем?

Это был хороший вопрос. На Литии не было преступности, газет, домашних систем связи, искусства которое можно было бы отделить от их ремесел, не было политических партий, общественных развлечений, не было деления на нации, не было игр, религии, спорта, праздников. Но ведь не могли же они проводить все свое свободное время обмениваясь знаниями, обсуждая вопросы философии или истории? Или именно этим они и занимались? Возможно, неожиданно подумал Руиз-Санчес, заходя в свои кувшины, они просто впадают в спячку! Но как раз когда ему пришла эта мысль, священник миновал другой дом и увидел движущиеся в разных направлениях силуэты…

Порыв ветра забрызгал его лицо мелкими каплями. Он машинально ускорил шаг. Если ночь окажется особенно ветренной, Дерево Связи наверняка примет много посланий. Оно уже виднелось впереди него — похожий на секвойю гигант, возвышающийся у самого устья реки Сфэт русло которой огромной змеей пробиралось в сердце материка, туда, где Глешчетк Сфэт — в переводе Озеро Крови — извергало в него мощные

потоки воды.

Дующие вдоль долины реки ветры раскачивали и наклоняли дерево. При каждом движении ствола корневая система дерева, проходившая под всем городом, дергала и деформировала подземную кристаллическую скалу. Город был основан на этой скале так же давно в литианской истории, как Рим на Земле. При каждом таком нажатии, подземная скала отвечала всплеском радиоизлучения которое принималось не только по всей планете, но и в космосе.

Разумеется, эти всплески представляли из себя бессмысленный шум. Как литиане использовали эту какофонию для передачи посланий и разнообразной информации, для работы восхитительной навигационной сети, всепланетной системы точного времени и многого другого — это Руиз-Санчес даже и не мечтал понять, хотя Кливер утверждал, что это было элементарно просто и необходимо было лишь во всем разобраться. Это было как-то связано с полупроводниками и физикой твердого тела которые — как утверждал тот же Кливер — литиане понимали лучше любого землянина.

Руиз-Санчес с изумлением подумал, что так можно сказать о чем угодно. Любое знание ли-

бо было абсолютно доступным для понимания сразу, либо же переходило в раздел беллетристики. Как члену ордена Иезуитов — даже здесь, в сорока световых годах лета от Рима — Руизу-Санчесу было известно о знании кое-что такое, что Кливер никогда не узнает: то, что любое знание проходит оба состояния, преображение из шума в факт и дезинтеграцию назад в шум. Между этими состояниями происходило лишь изобретение разнообразных формулировок. Бесконечная серия крушений теорий и была результатом этого процесса. Остатком была вера.

В выжженном в основании Дерева Связи, высоком, с крутыми сводами зале, похожем на установленное на тупой конец яйцо, куда вошел Руиз-Санчес, жизнь била ключом. Тем не менее, трудно было представить что-либо менее похожее на земной телеграф или какой-нибудь центр связи.

По большому кругу в нижней части яйца непрерывно двигались высокие фигуры; литиане входили в зал и выходили из него через многочисленные арки в стенах и перемещались в бурлящей толпе подобно прыгающим с орбиты на орбиту электронам. Все вместе, они разговаривали так тихо, что Руиз-Санчес слышал, как

далеко вверху, в могучих ветвях завывает ветер.

С внутренней стороны движение литиан к центру сдерживалось высокими полированными черными перилами, вырезанными вероятно из тканей самого дерева. По другую сторону этого разделительного барьера небольшой кружок литиан спокойно и без задержек принимал и передавал послания, безошибочно и не напрягаясь управлялся с нелегкой — судя по большому количеству движущихся во внешнем кольце литиан — работой. Время от времени кто-нибудь из этих специалистов подходил по наклонному полу к одному из беспорядочно расставленных ближе к центру, изготовленных из тонкого материала столов чтобы посовещаться с сидящим там литианином. Затем он возвращался к черному барьеру, а иногда, занимал стол и к барьеру шел его предыдущий хозяин.

Чаша пола углублялась, материал столов утончался и в самом центре зала, похлопывая руками по расположенным позади массивных челюстей ушным спиралям, в одиночестве стоял пожилой литианин с прикрытыми мембранами глазами, так что неприкрытыми оставались лишь его носовые впадины и расположенные рядом теплочувствительные ямки. Он ни с кем не заго-

варивал, и никто не совещался с ним — но было очевидно, что именно он является целью толчеи во внешнем кольце и перемещений внутри барьера.

Руиз-Санчес изумленно остановился. Никогда прежде он не был возле Дерева Связи — поддерживать связь с остальными двумя землянами находящимися на Литии, до этого момента входило в обязанности Кливера — и священник подумал, что не имеет понятия, что ему делать. Представшая перед ним картина больше походила на биржу, чем на центр связи в привычном понимании этого слова. Казалось невероятным, что в этот ветренный день стольким литианам нужно передать срочные личные послания; хотя, с другой стороны, невозможно было предположить, что литиане с их стабильной, основанной на чрезмерном изобилии экономике, могут иметь что-нибудь подобное фондовой или товарной бирже.

Он подумал, что ему остается лишь попытаться пробраться к барьеру и попросить кого-нибудь связаться с Мишелем или Агронским. В худшем случае, предположил он, ему откажут или вообще не услышат. Он глубоко вздохнул.

В тот же миг его левый локоть крепко сжали

четыре пальца. Удивленно фыркнув, священник выдохнул и, обернувшись, посмотрел вверх в лицо склонившегося к нему литианина. Нежные, прозрачно-голубые сережки свисающие из-под длинного, похожего на клюв пеликана рта, контрастировали с ярким сапфировым рудиментарным гребешком.

— Вы Руиз-Санчес, — сказал на своем языке литианин. Имя священника в отличие от большинства землян литианин произнес легко. — Я узнал вас по одежде.

Это было исключительной удачей: в дождь все землянине на улице были похожи на Руиза-Санчеса, потому что только он носил в помещении похожую на плащ одежду. — Я металловед по имени Чтекса, когда-то мы беседовали с вами о медицине, о вашей работе и о многом другом. Вы здесь впервые. Хотите поговорить с Деревом?

— Да, — с благодарностью сказал Руиз-Санчес. — Так случилось, что я новичок здесь. Вы можете объяснить мне что нужно делать?

— Да, но это вам не поможет, — сказал Чтекса наклоняя голову так, что его абсолютно черные зрачки вонзились в глаза Руиза-Санчеса. — Чтобы усвоить этот сложный ритуал, необходимо очень долго его наблюдать. Мы познаем его с детства,

а у вас, как мне кажется, недостаточно развита координация движений чтобы выполнить все с первого раза. Может лучше вы скажете ваше послание мне…

— Я вам весьма обязан. Это послание для моих коллег Агронского и Мишеля. Они находятся в Ксоредешч Гтоне на северо — восточном континенте, в точке с координатами около 32 градусов Восточной долготы и 32 градусов Северной широты — Да, на второй отметке, у выхода из Малых Озер, город гончаров. И что вы хотите передать?

— То, что им пора присоединиться к нам, здесь, в Ксоредешч Сфэте. И что наше время на Литии уже почти вышло.

— Хорошо. Я передам это послание. Чтекса ввинтился в бурлящую толпу оставив Руиза-Санчеса который в очередной раз радовался, что справился с трудностями и изучил литианский язык. Некоторые члены земной комиссии продемонстрировали достойное сожаления отсутствие интереса к этому языку: «Пусть они учат английский», таким был классический ответ Кливера. Это предложение тем более не могло устроить Руиза-Санчеса, потому что его родным языком был испанский, а из иностранных он предпочитал немецкий.

Агронский занял более глубокомысленную позицию: дело не в том, говорил он, что литианский слишком сложен в произношении — конечно, его мягкие согласные были не труднее арабских или русских — но, в конце концов, «ведь безнадежно пытаться понять концепцию которая лежит в основе действительно чужого языка за то время, что мы проведем здесь?» Мишель никак не отреагировал на эти две точки зрения; сначала он просто сел учиться читать на литианском, а когда заговорил на нем, то все приняли это как должное. Так Мишель делал все — основательно и в то же время бессистемно. Что же касается двух предыдущих подходов, то, по мнению Руиза-Санчеса, преступно было выпускать с Земли специалистов по контактам с таким ограниченным мировоззрением. А мыслями о привычке Кливера называть литиан «Гадюками» Руиз-Санчес мог поделиться лишь со своим исповедником.

Что же должен был подумать Руиз-Санчес о Кливере как об офицере связи после всего, что увидел в этом яйцеобразном зале? Наверняка Кливер никогда не пользовался услугами Дерева Связи, как утверждал. Возможно, он никогда и не приближался к Дереву ближе, чем подошел сейчас священник.

Несомненно он поддерживал связь с Агронским и Мишелем, но иным способом, возможно при помощи припрятанного в багаже личного радиопередатчика… Хотя, как ни был Руиз-Санчес далек от физики, он сразу же отверг такое объяснение; он немного знал о трудностях использования волнового радио на такой планете как Лития, где эфир на всех диапазонах забивался мощными электромагнитными импульсами которые Дерево выдавливало из подземной кристаллической скалы. Этот вопрос начинал его серьезно тревожить.

Вернулся Чтекса которого теперь можно было узнать лишь, по тому, что он наклонился к землянину — его сережки стали такими же невероятно ярко-пурпурными, как у большинства других литиан.

— Я отправил твое послание, — сразу сказал он. — Оно принято в Ксоредешч Гтоне. Но остальных землян там нет. Их нет в городе уже несколько дней.

Это было невозможно. Кливер сказал, что еще позавчера говорил с Агронским.

— Ты уверен? — осторожно спросил Руиз-Санчес.

— Это не вызывает сомнений. Дом, который

мы им дали, пуст. Все их многочисленные вещи исчезли. — Высокая фигура подняла свои маленькие ручки в выражающем озабоченность жесте. — Мне кажется это плохие слова. Я сожалею, что принес их тебе. Слова которые ты принес мне, когда мы встретились первый раз, были полны хорошего.

— Спасибо. Не волнуйся, — в смятении сказал Руиз-Санчес. — Никто ведь не может отвечать за слово.

— Кто же тогда будет отвечать за него? В конце концов это наш обычай, — сказал Чтекса. — И согласно этому обычаю, ты пострадал при нашем обмене. Твои слова о железе содержали много хорошего. Я с удовольствием покажу тебе как мы использовали их, тем более, что взамен, я принес тебе дурные вести. Может быть, если это не повредит твоей работе, ты посетишь мой дом сегодня вечером…

У Руиза-Санчеса дух захватило от внезапного волнения. После долгого ожидания ему наконец предоставился шанс увидеть что-нибудь из частной жизни Литии! И во время этого визита он возможно что-нибудь поймет в здешних моральных правилах, узнает о том, какую роль определил Бог литианам в вечной драматиче-

ской борьбе добра со злом в прошлом и грядущем. А пока жизнь литиан в здешнем Раю была неестественно разумной, как-будто здесь жили органические мыслящие машины, бездушные хвостатые роботы.

Но Руиз-Санчес не мог забыть, что дома он оставил больного. Было маловероятно, что Кливер проснется до утра — он получил около 15 миллиграммов успокоительного на килограмм веса. Но если его мощный организм под воздействием какого-либо анафилактического кризиса нейтрализует снотворное, ему понадобится дополнительный уход. В конце концов, на этой планете которую он ненавидел и которая победила его, ему будет мучительно недоставать обыкновенного человеческого голоса.

Все же опасность для Кливера была небольшой. Он конечно же не нуждался в непрерывном присмотре. В конце концов, это было преодолением излишнего благочестия, преодоление, хотя и не поощряемое Церковью, но принимаемое Богом. И заработал ли Кливер право на то, чтобы Руиз-Санчес относился к нему внимательнее, чем к любому другому Божьему созданию? Когда на на карту поставлена судьба всей планеты, всех людей — Целая жизнь раздумий над подобными

моральными проблемами научила Руиза-Санчеса быстро находить выход из подавляющего большинства этических лабиринтов. Посторонний человек мог бы назвать его «ловким».

— Спасибо, — сказал он с трепетом. — Я с удовольствием приду к тебе.

III

— Кливер! Кливер! Проснись, лежебока. Куда вы запропастились?

Кливер застонал и попытался перевернуться. При первом же движении, все вокруг закачалось вызывая тошноту. Его рот горел огнем.

— Кливер, повернись. Это я, Агронский. Где Отец? Что произошло? Почему вы не не выходили на связь? Осторожно, сейчас ты — Предупреждение прозвучало слишком поздно и Кливер так или иначе был не в состоянии понять его — он глубоко спал и не имел ни малейшего представления о своем положении во времени и пространстве. Он резко рванулся подальше от сварливого голоса и выпал из задергавшегося от рывка гамака.

Он со всего размаха ударился об пол; основная сила удара пришлась на правое плечо, но он все еще едва ли что-нибудь чувствовал. Ноги, как-будто существуя отдельно от него, так и остались летать далеко вверху, запутавшись в переплетении веревок гамака.

— Господи! — Дробно, как град по крыше, за-

стучали шаги, потом раздался неправдоподобно сильный грохот. — Кливер, ты болен? Давай успокойся на минуту, я освобожу твои ноги. Майк, Майк, ты можешь включить поярче газ в этом горшке? Здесь что-то случилось.

Через мгновение из отблескивающих стен полился желтый свет. Кливер неуклюже прикрыл глаза рукой, но рука быстро устала. Пухлое взволнованное лицо Агронского плавало прямо над ним, как спасательный воздушный шар. Он нигде не видел Мишеля и в этот момент был даже рад этому. Сначала нужно было объяснить себе присутствие Агронского.

— Как… черт побери… — сказал он. Слова отслаивались от губ причиняя боль в уголках рта. Теперь он понял, что пока спал, его губы каким-то образом склеились. Он и не представлял сколько времени пролежал в беспамятстве.

Агронский казалось понял оборванный вопрос. — Мы вернулись с озер на нашем вертолете, — сказал он. — Нам не понравилось ваше молчание и мы использовали собственные возможности, чтобы литиане, если они задумали что-нибудь дурное, не поняли наших намерений при регистрации для полета на рейсовом самолете.

— Прекращай болтать, — сказал Мишель, который неожиданно, как по волшебству, появился в дверном проеме. — Ты же видишь, он простудился. Мне бы не хотелось радоваться болезни, но это лучше козней литиан.

Мускулистый широкоскулый химик помог Агронскому поднять Кливера на ноги. Превозмогая боль, Кливер снова попробовал открыть рот. Но вместо слов прозвучал лишь хрип.

— Замолчи, — сердито сказал Мишель. — Давай уложим его назад в гамак. Где же Отец? Только он умеет лечить здешние болезни.

— Держу пари он мертв, — неожиданно взорвался Агронский и его лицо оживилось от тревоги. — Он был бы здесь, если бы мог. Мишель, это наверное заразно.

— Я не захватил своих перчаток, — сухо сказал Мишель. — Кливер лежи спокойно или мне придется успокоить тебя. Агронский, похоже ты осушил его графин; принеси-ка новой воды, ему надо пить. И посмотри, не оставил ли Отец в лаборатории чего-нибудь похожего на лекарства.

Агронский вышел, за ним из поля зрения Кливера исчез Мишель. Всеми силами преодолевая боль, Кливер еще раз попробовал разомкнуть губы.

— Майк.

В тот же миг Мишель был возле него. Смоченным в каком-то растворе ватным тампоном он осторожно протер Кливеру губы и подбородок.

— Не волнуйся. Агронский несет тебе попить. Поговоришь немного позже, Пол. Не спеши.

Кливер немного расслабился. Мишелю он верил. Тем не менее, он не смог спокойно перенести то, что за ним ходят как за младенцем — он почувствовал как по обеим сторонам носа стекают слезы бессильного гнева. Мишель вытер их двумя легкими необидными движениями.

Агронский вернулся напряженно протягивая руку ладонью вверх. — Вот что я нашел, — сказал он. — В лаборатории есть еще пилюли, и пресс для пилюль не убран. Там же ступка и пестик Отца, правда они чистые.

— Хорошо, давай лекарство, — сказал Мишель. — Есть еще что-нибудь?

— Нет. В стерилизаторе жарится шприц, если это тебя интересует.

Мишель чертыхнулся. Это значит, что где-то в аптечке есть необходимый антитоксин, — сказал он. Но Рамон не оставил записки, поэтому у нас нет шансов найти это лекарство.

С этими словами, он приподнял Кливеру голову

и засунул пилюли ему в рот. Полившаяся затем вода показалась Кливеру прохладной, но через долю секунды обожгла огнем. Он поперхнулся, и именно в этот момент Мишель сжал его ноздри. Пилюли прошли в пищевод.

— Есть какие-нибудь следы Отца? — сказал Мишель.

— Ничего, Майк. Все в полном порядке, его вещи на месте. Оба комбинезона висят в шкафу.

— Может он ушел в гости, — задумчиво сказал Мишель. У него было уже довольно много знакомых литиан.

— С больным на руках? На него это не похоже, Майк. Если только в этом не было крайней необходимости. А может он вышел по обычному делу рассчитывая скоро вернуться, и — И потому, что он забыл трижды топнуть ногой, прежде чем идти через мост, его съели тролли.

— Конечно, ты можешь шутить.

— Поверь мне, я не шучу.

— Майк…

— Мишель сделал шаг назад и посмотрел на Кливера; его лицо было плохо видно сквозь пелену слез. Он сказал: — Все в порядке, Поль. Расскажи нам что случилось. Мы слушаем тебя.

Но было слишком поздно. Двойная доза бар-

битуратов уже принялась за Кливера. Он смог только покачать головой и вместе с Мишелем улетел в водоворот смутных видений.

Тем не менее, полностью он не забылся. Сегодня он проспал не меньше обычного и для него уже начинался длинный, полностью загруженный день сильного и здорового мужчины. Голоса землян и навязчивая мысль о необходимости поговорить с ними прежде, чем вернется Руиз-Санчес, поддерживали его в состоянии полубодрствования, похожего на легкий транс — а наличие в его организме тридцати гран ацетилсалициловой кислоты значительно увеличило потребление им кислорода, что, в свою очередь, вызвало не только головокружение, но и эмоциональное возбуждение. То, что такое состояние поддерживалось энергией от сгорания протеина его собственных клеток он не знал, а если бы даже и знал, то вряд ли смог бы встревожиться.

Голоса продолжали проникать в его сознание едва донося смысл слов. Слова переплетались с обрывками снов которые легко отслаивались от поверхности бодрствующей части рассудка и поэтому казались чрезвычайно реальными, угнетая, в то же время своей необычной бесмысленностью. При выходе из периодических

провалов сознания являлись планы, целые сочетания планов, все простые и грандиозные одновременно — о том, чтобы принять на себя командование экспедицией, связаться с властями Земли, передать секретные документы которые доказывают, невозможность заселения Литии, планы по прокладке туннеля под Мехико в Перу, о том, чтобы одним мощным термоядерным взрывом соединить легкие атомы Литии в один атом Кливериума, элемента чей основной номер составит алефноль…

Агронский: — Майк, иди сюда и посмотри на это, ты читаешь по-литиански. Там, на входной двери, на доске для сообщений что-то написано.

(Звук шагов.)

Мишель: — Тут написано «Здесь болезнь». Штрихи проведены недостаточно легко и уверенно чтобы подумать, что это дело рук аборигенов. Идеографические знаки трудно писать быстро. Эту надпись наверняка оставил Рамон.

Агронский: — Хотел бы я знать куда он потом пошел.

(Звук шагов. Негромко захлопывается дверь. Звук шагов. Трещит пуф.)

Агронский: Ладно, давай займемся отчетом. Нужно обдумать его, пока этот проклятый два-

дцатичетырехчасовой день окончательно не доконал меня. Ты все еще настаиваешь на открытии этой планеты?

Мишель: — Да. Я не увидел на Литии ничего угрожающего жизни человека. Болезнь Кливера меня беспокоит, но я уверен, что при серьезной опасности, Отец не оставил бы его одного. И я не вижу как земляне могут повредить этому обществу — оно чрезвычайно стабильно как эмоционально, так и экономически.

(Опасность, опасность, — говорил Кливеру во сне чей-то голос. Все лопнет. Это все поповские козни. Теперь он снова начал приходить в себя и снова почувствовал боль во рту.)

Агронский: — Как ты думаешь, почему пока мы были на севере, ребята ни разу не связались с нами?

Мишель: — Не знаю. Я ничего не могу даже предположить пока не поговорю с Рамоном. Или пока не придет в себя Пол.

Агронский: — Не нравится мне все это, Майк. Я чувствую здесь подвох. Этот город находится в сердце коммуникационной системы планеты. И вот — ни одного сообщения, Кливер болен, Отец исчез… Мы еще чертовски многого не знаем о Литии.

Мишель: — Мы чертовски многого не знаем о Центральной Бразилии.

Агронский: — Ничего существенного, Майк. То что мы знаем обо всем в общем, позволяет разобраться в частностях — даже в тех рыбах, которые едят людей — как их там — в пираньях. На Литии не так. Мы не можем наверняка утверждать, что последует из тех или иных общих знаний. Мы можем не заметить совсем рядом что-нибудь громадное.

Мишель: — Агронский, прекрати рассуждать как приложение к воскресной газете. Ты недооцениваешь наши собственные умственные способности. О какой огромной тайне ты говоришь? О том, что Литиане едят людей? Что ими управляют неведомые нам, живущие в джунглях боги? Что на самом деле под их личиной скрываются бездушные, жестокие шпионы? Ты сам легко опровергнешь любое подобное предположение. Такие вещи бессмысленно даже предполагать не говоря уже об обсуждении возможной на них реакции.

Агронский: — Ладно, ладно. Я, тем не менее, остаюсь пока при своем мнении. Но если окажется, что здесь все в порядке, я говорю об Отце и о Кливере, тогда, возможно, я поддержу тебя. У

меня действительно нет особых причин голосовать против.

Мишель: — Как знаешь. Я уверен, что Рамон проголосует за открытие планеты, так что решение будет принято единогласно. Я не вижу, почему может быть против Кливер.

(Кливер давал свидетельские показания перед набитым битком залом суда созванного на Генеральной ассамблее ООН в Нью-Йорке. Он театрально, но скорее с сожалением, чем торжествуя указывал пальцем на Его Преподобие Рамона Руиза-Санчеса. При звуке его имени, сон прервался и Кливер понял, что в комнате стало немного светлее. Приближалась заря, вернее мокрая серая литианская пародия на зарю. Он попытался вспомнить о чем только что говорил на суде. Это была заключительная обвинительная речь, достаточно убедительная, чтобы повторить ее наяву — но не смог восстановить оттуда и слова. Запомнилось только физическое ощущение от сказанного, но ничего из содержания речи.)

Агронский: — Светает. Ну что ж, закончим на этом.

Мишель: — Ты закрепил вертолет? Насколько я помню, ветры здесь посильнее, чем на Севере.

Агронский: — Да. И прикрыл брезентом. Оста-

ется лишь растянуть гамаки.

Мишель: — Ш-ш-ш. Что это?

(Звук шагов.)

Тихие шаги, но Кливер узнал их. Собравшись с силами он немного приоткрыл глаза, но смог увидеть лишь потолок. Его спокойный цвет и гладкий, постоянный наклон к своду своей ирреальностью снова затуманили его сознание.

Агронский: — Кто-то идет. Это Отец, Майк, встреть его. С ним кажется все в порядке. Немного шаркает ногами, но с кем не бывает после бессонной ночи?

Мишель: — Лучше встреть его у входа. Это наверняка лучше, чем если мы появимся перед ним после того, как он войдет. В конце концов, он не ждет нас.

Агронский: — Правильно, Майк.

(Шаги удалились от Кливера. Послышался скрежет камня о камень — на двери повернулось колесо.)

Агронский: — Добро пожаловать, Отец! Мы прибыли совсем недавно и — что такое? Ты болен? Здесь есть что-нибудь — Майк! Майк!

(Кто-то убегал. Кливер напряг мышцы шеи чтобы приподнять голову, но они не подчинились ему. Вместо этого, затылок, казалось, еще

сильнее вжался в жесткую подушку гамака. После мгновенной и бесконечной сильной боли он вскрикнул.

Кливер: — Майк!

Агронский: — Майк!

(Тяжело вздохнув, Кливер наконец сдался. Он заснул.)

IV

Когда за его спиной закрылась дверь дома Чтексы, РуизСанчес, буквально сгорая от нетерпения, оглядел нежно подсвеченное фойе, хотя он едва ли смог бы объяснить, что же надеялся здесь увидеть. Фактически, все выглядело так же как и в его «собственном» доме, и только это он, фактически, и должен был ожидать — кроме лабораторного оборудования, вся обстановка их дома была литианской.

— Мы изъяли из наших музеев несколько железных метеоритов и ковали их по предложенному тобой методу, — сказал позади него Чтекса, пока он выбирался из дождевика и ботинок. — Как ты и предсказывал, они продемонстрировали ярко выраженные, мощные магнитные свойства. Мы подняли на ноги всю планету заданием искать метеоры и отовсюду присылать сюда, в лабораторию. Сотрудники обсерватории пробуют предсказать возможные новые падения. К сожалению, метеоры здесь редки. Наши астрономы говорят, что у нас не бывает таких метеоритных «дождей» которые, как ты рассказывал, часто

бывают над твоей планетой.

— Да, я должен был подумать об этом, — сказал Руиз-Санчес, идя за литианином в холл. Здесь тоже не было ничего особенного. — В нашей планетной системе есть настоящее кольцо из малых планет, много тысяч которых, рассеяны на орбите, образуя что-то вроде огромного мельничного жернова, там где мы предполагали обнаружить планету нормальных размеров. В результате неизбежных столкновений между этими космическими телами, на Землю выпадают метеоритные дожди. До Литии, думаю, долетают лишь незначительные остатки кометных хвостов.

— Трудно понять как могло возникнуть такое неустойчивое образование, — сказал Чтекса, присаживаясь и указывая гостю на другой пуф. — Можешь ли ты объяснить это?

Не совсем, — сказал Руиз-Санчес. — Некоторые из нас считают, что много лет назад на этой орбите находилась нормальная планета, которая по каким-то причинам взорвалась. Подобная катастрофа произошла с одним спутником в нашей системе — по крайней мере одна из наших планет имеет подобное кольцо. Другие утверждают, что при образовании нашей Солнечной системы,

исходные материалы, из которых должна была образоваться планета, так и не объединились. Обе идеи имеют много изъянов, но каждая объясняет определенные противоречия другой, так что каждая по-своему соответствует истине.

Глаза Чтексы прикрылись едва видным «внутренним веком», что свидетельствовало о состоянии глубочайшей задумчивости. — Не вижу ни одного способа чтобы проверить обе идеи, — сказал он через некоторое время. — По нашей логике, невозможность подобных проверок свидетельствует о бессмысленности поставленного вопроса.

Это логическое правило имеет на Земле много приверженцев. Мой коллега, Доктор Кливер, наверняка согласился бы с ним, — неожиданно улыбнулся Руиз-Санчес. Он так долго и упорно совершенствовал свое знание литианского, что смог вести беседу на такие абстрактные темы, и это было гораздо большим достижением, чем запоминание новых слов. — Но вам будет нелегко собирать метеориты. Вы объявили о стимулах?

— Да, конечно. Каждый понимает всю важность этой программы. Все мы хотим продолжать исследования.

Это было не совсем то, что хотел узнать свя-

щенник. Он пытался вспомнить более точный литианский эквивалент понятию «вознаграждение», но не нашел ничего кроме этого, уже употребленного им слова «стимул». Он понял, что не знает также, же, как перевести слово «алчность». Очевидно предложение заплатить по тысяче долларов за найденный метеорит просто обескуражило бы литианина. Вместо этого он сказал: — Как бы вы не кооперировались, но если метеориты падают на Литию так редко, не думаю, что вам удастся собрать достаточное количество метеоритного железа для серьезной работы. Вам необходимо разработать вспомогательную программу по поиску металла — каким-нибудь образом собрать те крохи железа которые есть на планете. Наши плавильные методы для вас бесполезны, так как у вас нет рудных месторождений. Да-а. А как насчет железо-поглощающих бактерий?

— А здесь есть такие? — с сомнением покачав головой, сказал Чтекса.

— Я не знаю. Спросите у ваших бактериологов. Если на планете есть бактерии принадлежавшие к роду, который мы называем Leptothrix, одна из них должна поглощать железо. За миллионы лет что на этой планете существует жизнь, такая

мутация должна была произойти и возможно это случилось уже достаточно давно.

— Но почему же мы до сих пор не знаем о ней? В бактериологии мы работаем гораздо больше, чем в любой другой сфере.

— Потому что, — убежденно сказал Руиз-Санчес, — вы не знали, что искать и, потому что такой вид должен встречаться так же редко как и само железо. На изобилующей железом Земле наша Leptothrix ochracea имеет великолепные условия для развития. Ее ископаемые оболочки мы находим в неисчислимых количествах в рудных месторождениях. Общепринятое мнение утверждает, что эта бактерия создала эти месторождения, но я не верю в это. При соответствующей жесткости воды и других благоприятных условиях, соли в растворах спонтанно преобразуются в соли железа, а так как эти бактерии получают энергию окисляя железо, то именно там и есть условия которые способствуют ее развитию. На нашей планете эта бактерия размножается в рудных месторождениях потому что там находится железо, а не наоборот. У вас же просто нет столько железа, чтобы значительно увеличить количество бактерий, но я убежден, что у вас они есть.

— Мы немедленно начнем изучение почвы, — сказал Чтекса и его сережки стали лиловыми. — Наши центры по изучению антибиотиков ежемесячно изучают тысячи образцов почвы в поисках новой, обладающей терапевтическими свойствами микрофлоры. Если собирающая железо бактерия существует, мы очень скоро ее найдем.

— Она должна существовать, — повторил Руиз-Санчес. — У вас существуют концентрирующие серу анаэробные бактерии?

— Да — да, конечно!

— Ну вот, — сказал Иезуит, удовлетворенно отклоняясь назад и сцепляя руки на колене. — У вас есть много серы и много соответствующих бактерий. Сообщите мне пожалуйста когда найдете экземпляры поглощающие железо. Мне хотелось бы взять с собой на Землю такую культуру. Есть двое землян, чьи носы я бы хотел ткнуть в такой образец.

Литианин напрягся и несколько озадаченно кивнул. Руиз-Санчес поспешно сказал: — Прошу прощения. Я дословно перевел агрессивно звучащую идиому моего родного языка. Она не подразумевает тех действий, о которых говорится.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Чтекса. Руиз-Санчес сомневался в этом. В богатом словарном запасе литианского языка он до сих пор не нашел ни одной метафоры — ни действующей, ни мертвой. Кроме того, литиане не знали ни поэзии, ни других видов творчества. — Вы окажете нам честь если воспользуетесь результатами исследований. В общественных науках нас долго ставила в тупик проблема соответствия чествования открывателя значению его открытия. Если учитывать как изменяют нашу жизнь новые идеи, то становится невозможным адекватно отметить их автора, поэтому замечательно, когда изобретатель обладает желаниями, которые общество может удовлетворить.

Сначала Руиз-Санчес не был уверен, что правильно понял это предложение. Но вникнув в услышанное, подумал, что вряд ли одобрил бы такое решение проблемы, хотя сейчас оно его полностью устраивало. Эти слова прозвучали бы невыносимо фальшиво из уст землянина, но Чтекса, без сомнения, имел в виду именно это.

Хорошо, что пришло время завершать доклад комиссии по Литии. Руиз-Санчес подумал, что скоро не сможет воспринимать эту спокойную стерильную жизнь. К тому же, ему не давала

покоя мысль что ее размеренность основывалась на рассудке, а не на заповедях или вере. Литиане не знали Бога. Они жили и мыслили праведно потому что это было и разумно, и действенно, и естественно жить и думать именно таким образом. Казалось что больше они ни в чем не нуждаются.

Могло ли быть так, что они мыслили и поступали таким образом, потому что не родились людьми и не узнав тяжести первородного греха никогда не покидали своего Райского Сада? Геологически было подтверждено то, что на Литии не было оледенения и ее климат оставался неизменным семьсот миллионов лет. Могло ли быть так, что не зная первородного греха, они были также свободны от проклятия Адама?

А если так — то можно ли человеку жить среди них?

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, Чтекса, — сказал священник после минутного раздумья. — Ты мне абсолютно ничего не должен, но нам, землянам, нужно принять ответственное решение. Ты знаешь о чем я говорю. И я сомневаюсь, что мы знаем о твоей планете достаточно много, чтобы не ошибиться.

В таком случае ты обязан спрашивать, —

немедленно отреагировал Чтекса. — Постараюсь ответить на любой вопрос.

— Хорошо, тогда, — смертны ли вы? Я знаю, что в вашем языке есть соответствующее слово, но возможно оно отличается по смыслу от такого же нашего.

— Это слово означает прекращение изменений и возврат к существованию, — сказал Чтекса. — Механизм существует, но только живое существо, как дерево, например, проходит череду изменяющихся равновесий. Когда такое развитие прекращается, этот организм мертв.

— И вы тоже подвержены этому процессу?

— Так бывает со всеми. Даже такие великие деревья как Дерево Связи рано или поздно умирают. Разве на Земле по другому?

— Нет, сказал Руиз-Санчес, — так же. Слишком долго пришлось бы объяснять почему, но мне показалось, что вы избежали этого зла.

— Мы не смотрим на смерть как на зло, — сказал Чтекса. — Лития живет благодаря смерти. Погибшие листья обеспечивают нас нефтью и газом. Для жизни одних существ всегда нужна смерть других. Чтобы излечить болезнь необходимо убить бактерию и не дать родиться вирусу. Мы сами должны умереть уже хотя бы для того,

чтобы освободить место для следующего поколения — ведь пока мы не умеем регулировать рождаемость.

— Но ты считаешь что этому нужно научиться.

— Конечно нужно, — сказал Чтекса. — Наш мир богат, но ведь всему есть предел. А другие планеты, по вашим рассказам, заселены своими народами. Поэтому мы не можем надеяться переселиться туда, когда нас станет слишком много здесь.

— Настоящая вещь неисчерпаема, хмуро глядя на переливчатый пол, резко сказал Руиз-Санчес. — За много тысяч лет нашей истории мы убедились в этом наверняка.

— О каких пределах идет речь? — сказал Чтекса. — Само собой разумеется, что любой маленький предмет — будь то камень, капля воды или частичка почвы — можно исследовать вечно. Количество получаемой из любого предмета информации, буквально беспредельно. Но в изучаемой почве может недоставать нитратов. Правда этого можно добиться лишь плохо ее обрабатывая. Или вспомним железо, о котором мы только что говорили. Запасы железа на нашей планете конечны, и, по крайней мере приблизительно, мы уже знаем пределы его запасов. Было

бы безрассудно допустить чтобы наша экономика потребовала для своего развития больше железа чем вообще есть на Литии при том, что получить его дополнительно из метеоритов или путем импорта невозможно. Это проблема не получения информации. Это проблема использования уже полученной информации. Если не уметь пользоваться имеющимся, то теряет смысл даже говорить о его пределах.

— Если придется, вы вполне сможете обойтись без дополнительного количества железа, — отметил Руиз-Санчес. — Ваши деревянные механизмы достаточно точны чтобы удовлетворить любого инженера. Уверен, что большинство из них, не помнит, что у нас тоже были подобные устройства — дома у меня есть образец. Это что-то вроде таймера, под названием «часы с кукушкой» они полностью сделаны из дерева двести лет назад. Кстати, еще довольно долго после того, как мы начали строить металлические мореходные суда, мы продолжали использовать древесину lignum vitae[3] в судовых навигационных приборах.

— Древесину можно использовать в самых разных целях, — согласился Чтекса. — Един-

[3] Примечания: 3

lignum vitae — гваяковое дерево. Из его твердой и тяжелой древесины изготавливают некоторые детали машин.

ственный ее недостаток, состоит в том, что по сравнению с керамическими материалами и, наверное, с металлом она недостаточно устойчива к внешним воздействиям. Необходимо хорошо ориентироваться в свойствах разных пород древесины, чтобы успешно сочетать их для разных нужд. А особенно сложные детали можно вырастить в соответствующих керамических формах — от роста внутри формы давление становится таким сильным, что получаемая деталь обладает очень высокой плотностью. Детали покрупнее можно выточить из доски мягким песчаником и отполировать сланцем. Мы обнаружили, что это подходящий материал для работы.

Руиз-Санчес почувствовал, что почему-то смутился. Подобное смущение всегда охватывало его при виде старых часов с кукушкой. Дома у него было много электрические часов которые занимая мало места должны были тихо и точно работать — но при их создании учитывались не только чисто технические, но и коммерческие соображения. В результате, большинство из них работало с тонким астматическим сипением или нежным стоном, но шли все до обидного неточно. Все часы имели «обтекаемые» формы, но были безобразны и чрезмерно велики. Ни одни из них

не показывали точное время, потому что были проданы с заводскими дефектами, а некоторые, нельзя было даже подвести, потому что их ход обеспечивали чрезвычайно примитивные двигатели.

Между тем, деревянные часы с кукушкой продолжали равномерно тикать. Каждую четверть часа из-за одной из деревянной дверок появлялась перепелка, а когда часы показывали час без долей, первой выглядывала перепелка, за ней кукушка и сразу после ее крика раздавался мягкий звон. Они ошибались на минуту в неделю и для их хода нужно было всего лишь подтягивать три гирьки каждый вечер перед сном.

Мастер сделавший эти часы умер до того как родился Руиз-Санчес. Если сравнить с прошлым, то за свою жизнь священник купил и выбросил, по крайней мере десяток дешевых, рассчитанных на подобное обращение электрических часов.

— Да, это правда, — со смирением в голосе сказал он. Если можно, еще вопрос. Фактически это продолжение того же вопроса — если сначала я хотел узнать смертны ли вы, то теперь я должен спросить как вы рождаетесь. Я видел много взрослых на улицах и иногда в домах — хотя я думаю, что в личной жизни вы одиноки — но ни-

когда не видел детей. Ты можешь объяснить мне это? Но если эта тема не может быть предметом обсуждения…

— Но почему же? Закрытых для обсуждения тем не бывает, сказал Чтекса. — Ты конечно знаешь, что у наших женщин есть брюшные сумки в которых они вынашивают яйца. На этой планете есть несколько видов животных которые крадут яйца из гнезд, поэтому такая мутация была для нас удачной.

— Да, на Земле тоже есть что-то подобное, но там такие сумки имеют живородящие животные.

— У нас яйца откладываются в сумки раз в году, — сказал Чтекса. — Затем женщины уходят из домов в поисках партнера чтобы оплодотворить яйцо. Я одинок потому что в этом сезоне меня пока не выбрали женщины. Бывает и наоборот, у некоторых мужчин в это время года живет три или четыре избравшие его женщины.

— Понятно, — осторожно сказал Руиз-Санчес. — Но чем же обусловлен выбор? Это эмоции или только рассудок?

— В конце концов обе причины слились, — сказал Чтекса. — Наши предки избавили нас от необходимости рисковать в поисках лучших

сочетаний генов. Теперь наши эмоции больше не противоречат нашим знаниям в области евгеники. Сами эмоции теперь преобразились и влияют на естественный отбор не противореча знаниям о нем.

Затем, наступает День Миграции. К этому времени все яйца оплодотворены и готовы к выходу потомства. В такой день — боюсь что вам не удастся увидеть все самим, потому что вы улетаете немного раньше этого дня — все литиане идут к морю. Там, мужчины защищают женщин от хищников пока они вброд пробираются через мелководье на достаточную для плавания глубину где и рождаются дети.

— В море? — едва слышно спросил Руиз-Санчес.

— Да, в море. Потом мы выходим и до следующего брачного сезона возвращаемся к прерванным делам.

— Да, но что происходит с детьми?

— Ничего особенного, они заботятся о себе сами, если могут. Конечно многие погибают, но особенный урон наносят потомству наши прожорливые сородичи — большие рыбоящеры, поэтому при любой возможности мы убиваем их. Но когда приходит время, большинство детей

возвращается на берег.

— Возвращаются на берег? Чтекса, я не понимаю. Почему же они не тонут, после рождения? И если они выходят на берег, то почему же мы никогда не видели ни одного из них?

— Конечно вы видели их, — сказал Чтекса. — А еще чаще слышали их голоса. Идем со мной. Он поднялся и пошел в фойе. Руиз-Санчес последовал за ним, его голова шла кругом от предположений.

Чтекса открыл дверь. Священник опешил, увидев что ночь была уже на исходе — облачное небо на востоке чуть порозовело. Разнообразное движение и пение джунглей не уменьшились. Раздался высокий, шипящий свист и над городом в сторону моря проплыла тень птеродона. Со стороны илистого мелководья донесся хриплый лай.

— Вот, — мягко сказал Чтекса. — Ты слышишь?

Сидящее на мели существо — невозможно было узнать его сразу — снова раздраженно захрипело.

— Сначала конечно трудно, — сказал Чтекса. Но самое страшное для них уже позади. Они выбрались на берег.

— Чтекса, — сказал Руиз-Санчес. Ваши дети

— это легочные рыбы.

— Да, — сказал Чтекса. — Это и есть наши дети.

V

Потом стало ясно, что именно беспрерывный лай легочной рыбы поверг Руиза-Санчеса в обморок когда Агронский открыл перед ним дверь. Поздний час и переживания сначала по поводу болезни Кливера, а затем из-за разоблачения его откровенного обмана, тоже подействовали на него. К этому необходимо добавить растущее по пути домой, под светлеющим небом, чувство вины по отношению к надолго оставленному Кливеру и, конечно шок оттого, что Мишель и Агронский вернулись именно тогда, когда он пренебрег своими обязанностями.

Но главной причиной такого состояния священника был звенящий до сих пор у него в ушах лающий крик детей Литии.

Через несколько мгновений он пришел в себя и обнаружил, что Агронский и Мишель усадили его на стул в лаборатории, и пытались не потревожив и не свалив его на пол, снять плащ, что было так же невыполнимо, как, например, попытаться снять не снимая пиджак жилет. Он неуверенно вытащил руку из рукава плаща и поднял глаза

на Мишеля.

— Доброе утро, Майк. Прости мои дурные манеры.

— Не глупи, — спокойно сказал Мишель. — Как бы то ни было, но сейчас тебе лучше помолчать. Я уже провел пол-ночи над Кливером пока ему не стало лучше. Прошу тебя, Рамон, не заставляй все повторять сначала.

— Со мной все в порядке. Я не болен — просто очень устал и немного перевозбудился.

— Что случилось с Кливером? — настойчиво спросил Агронский. Мишель вроде справился с ним.

— Не волнуйся, Майк. Уверяю тебя, со мной все в порядке. А у Пола глюкозидное отравление — сегодня днем он поранился о колючку. Нет, уже вчера днем. Как он себя вел за это время что вы здесь?

— Ему было плохо, — сказал Мишель. — Без тебя мы не знали что делать и дали ему две таблетки из тех, что ты оставил.

— Две таблетки? — Руиз-Санчес с трудом опустил ноги на пол и попробовал встать. — Я понимаю, вы не знали что предпринять, но, все же, лучше мне посмотреть его — Рамон, сядь пожалуйста. Мишель говорил тихо, но его твердый

тон не допускал неповиновения. Подсознательно, священник был рад подчиниться большому уверенному мужчине, поэтому он позволил себе усесться назад на стул. Ботинки свалились с его ног на пол.

— Майк, кто здесь священник? — сказал он устало. Хотя, я все же уверен, что ты все сделал правильно. С ним все в порядке?

— Да, но похоже он очень болен. Правда у него хватило энергии чтобы ворочаться большую часть ночи. Лишь недавно он наконец угомонился и заснул.

— Хорошо. Сегодня уже ничего не надо. А с завтрашнего дня дадим ему лекарство внутривенно. В этой атмосфере превышение дозы салициловой кислоты может привести к осложнениям. Он вздохнул. — Как, теперь мы можем отложить дальнейшие расспросы?

— Конечно, если здесь больше ничего не произошло.

— Ох, — сказал Руиз-Санчес, — думаю, здесь много чего произошло.

— Так я и знал, — сказал Агронский. — Черт побери, так я и знал. Я ведь говорил тебе, Майк, помнишь?

— Что-нибудь неотложное?

— Нет, Майк — нам ничего не угрожает, в этом я уверен. Ничего такого, что может помешать нам отдохнуть. Похоже вы устали не меньше меня — на вас лица нет.

— Ты прав, — согласился Мишель.

— Но почему же вы не связывались с нами? — взорвался Агронский. — Вы напугали нас до полусмерти, Отец. Если здесь действительно что-то происходит, вы должны были — Непосредственно сейчас нам ничего не угрожает, — терпеливо повторил Руиз-Санчес. — А что касается связи, то я знаю об этом не больше вашего. До этой ночи, я был уверен, что мы регулярно общаемся с вами. За это отвечал Кливер и казалось он выполняет свои обязанности. Я обнаружил что это не так лишь после того, как он заболел.

— Тогда нам, по-видимому придется подождать, — сказал Мишель. — А сейчас я бы с удовольствием прилег… Но, Рамон…

— Что, Майк?

— Должен сказать, что эта история нравится мне не больше, чем Агронскому. Завтра нам нужно во всем разобраться и подвести итоги работы комиссии. Корабль придет за нами через день или около того и чтобы принять к этому времени решение мы должны во всем разобраться. А

теперь, ради Бога, давайте растянем гамаки. Пролететь на вертолете двадцать пять тысяч миль через туман тоже было непросто.

— Да, — сказал Руиз-Санчес. — Ты правильно сказал, Майк, ради Бога.

Священник-биолог из Перу проснулся первым — физически вчера он устал меньше всех. Уже вечерело когда он выбрался из гамака и пошел взглянуть на Кливера.

Физик лежал в бессознательном состоянии. Его лицо посерело и как-будто сморщилось. Это было удачное время чтобы искупить вчерашнее плохое обращение с больным. К счастью, его пульс и дыхание почти пришли в норму.

Руиз-Санчес тихо вошел в лабораторию и приготовил фруктозу для внутривенного введения. Одновременно, он взбил из банки консервированного яичного порошка что-то вроде суфле и поставил его жариться на спиртовку — это была еда для остальных.

В спальне священник установил стойку для внутривенного введения. Кливер даже не вздрогнул, когда игла вошла в его большую вену на внутренней стороне сгиба руки. Руиз-Санчес закрепил трубку пластырем, проверил как поступает жидкость из перевернутой бутылки и

вернулся в лабораторию.

Там он сел на табурет перед микроскопом и, расслабившись, наблюдал как наступает новая ночь. Он все еще чувствовал себя разбитым от усталости, но уже мог бодрствовать не напрягаясь. Плап-плап, плап-плап, пузырилось медленно поднимающееся суфле и через некоторое время нежный запах сообщил, что очень скоро оно может подгореть.

Снаружи неожиданно полило как из ведра. Так же неожиданно, дождь прекратился.

— Это завтрак так пахнет, Рамон?

— Да, Майк. Подожди еще несколько минут.

— Отлично. Мишель ушел. Руиз-Санчес увидел на верстаке темно-синюю книгу с золотым тиснением, которую он всегда носил с собой с самой Земли. Он машинально подтянул ее поближе и раскрыл на странице 573. По крайней мере, она даст ему подумать о событиях в которые он не участвует лично.

Прошлый раз он остановился на том, что Анита, которая «должна подчиниться похоти Гонуфриуса, чтобы смягчить свирепость Суллы и корыстолюбие двенадцати Сулливанцев и (как сразу предположил Гилберт) спасти девственность Фелиции для Магравиуса» — одну

минуту, как могла Фелиция до сих пор считаться девственницей? Ага: «…когда присвоенная Мишелем после смерти Джилиии» — это объясняло ее девственность, так как Фелиция провинилась прежде всего лишь тем, что была неискренней «… но она боялась, что, признав его супружеские права, она могла вызвать предосудительные отношения между Евгениусом и Иеремией. Мишель, который раньше изнасиловал Аниту, освободил ее от необходимости уступать Гонориусу» — да это рассчитано, так как Мишель тоже имел виды на Евгениуса. «Анита взволнована, но Мишель угрожает, что прибережет ее дело на завтра, для ничем не примечательного Гуглилмуса а она знала из опыта (по Вэддингу), что даже если применит ложь во спасение, то это никак не поможет.» Так. Все это было очень хорошо. И, похоже, повествование впервые приобретало определенный смысл. Все же, размышлял Руиз-Санчес, ему бы не хотелось знать членов этого семейства имена которых заменены на условные латинские или быть исповедником у кого-нибудь из них. Вот, снова:

«Фортисса, тем не менее, вдохновленная объединившимися Грегориусом, Лео, Вителиусом и Макдугалиусом предостеречь Аниту описанием

сильного телесного наказания Гонуфриуса и безнравственности (turpissimas[4]) Каникулы, покойной жены Мауритиуса с Суллой, торговцем церковными должностями, который отрекается и раскаивается.» Да, все сходится, если воспринимать это не возмущаясь действиями персонажей — а все здесь указывает на то, что они вымышлены, — или автором, который несмотря на свой мощный интеллект — интеллект возможно величайшего из писателей предыдущего столетия, заслуживает сочувствия, как самая жалкая жертва Сатаны. Если воспринимать повествование именно как серые сумерки сознания, то весь роман, учитывая даже включенные в текст назойливые комментарии, можно оценивать под одним углом.

— Готово, Отец?

— Пахнет так, как-будто готово. Агронский, почему ты не ешь?

— Спасибо. Можно отнести Кливеру — Нет, он принимает фруктозу. Сейчас, пока впечатление, что он наконец понял проблему снова не рассеялось, он мог сформулировать основной вопрос, тот тупик, который столько лет глубоко тревожил

---

[4] Примечания: 4
turpissimas — постыдность, позорность *(лат.)*

как его Орден, так и всю Церковь. Он тщательно формулировал его. Вопрос звучал так:

— Было ли у него превосходство и должна ли была она подчиниться? К его изумлению, он впервые увидел, что несмотря на потерю запятой, сформулировал два вопроса. Было ли у Гонуфриуса превосходство? Да, потому что Мишель, единственный, кто из всего общества был изначально одарен силой красоты, был абсолютно скомпрометирован. Следовательно, никто не мог лишить Гонуфриуса его преимуществ независимо от того, можно ли было спросить с него за все грехи или они действительно были лишь слухами. Но должна ли была Анита подчиниться? Нет, не должна была. Мишель утратил на нее все права и она могла не идти за наставником или еще за кем-нибудь, а следовать лишь своей совести — а в свете мрачных обвинений против Гонуфруса она могла лишь отвергнуть его. Что же касается раскаяния Суллы и преображения Фелиции, то они ничего не значили, так как отступничество Мишеля лишило их обоих и всех остальных духовного поводыря.

Следовательно, ответ всегда лежал на поверхности. Да и Нет — вот из чего состоял ответ.

Он закрыл книгу и посмотрел на верстак,

находясь в том же состоянии безразличия к окружающему миру, но ощущая как где-то глубоко внутри него возникает легкое приятное возбуждение. Когда он посмотрел в окно на моросящую темноту, то в желтом конусе дождя отбрасываемом светом проникающим через прозрачное стекло увидел знакомую фигуру.

Это был уходящий прочь от дома Чтекса. Вдруг Руиз-Санчес понял, что никто не потрудился стереть с доски для объявлений надпись о болезни. Если Чтекса приходил сюда по делу, надпись наверняка отпугнуло его. Священник наклонился вперед, схватил пустую коробку от слайдов и слегка постучал ею по оконному стеклу.

Чтекса повернулся и посмотрел через пелену дождя, его глаза были полностью прикрыты пленкой. Руиз-Санчес кивнул ему и с трудом поднялся с табурета, чтобы открыть дверь. Тем временем завтрак поджарился и начал подгорать.

Стук привлек внимание Мишеля и Агронского. Чтекса сочувственно смотрел вниз на троих людей, капли воды стекали как масло вниз по мельчайшим, призматическим чешуйкам его гибкого тела.

— Я не знал, что у вас болезнь, — сказал литианин. Я пришел потому, что ваш брат Руиз-Санчес

ушел сегодня утром из моего дома без подарка который я хотел ему сделать. Я уйду, если я каким-либо образом вторгаюсь в вашу личную жизнь.

— Все в порядке, — успокоил его Руиз-Санчес. — Болезнь оказалась незаразным отравлением и надеемся, что наш коллега не очень от него пострадает. Это мои товарищи с севера — Агронский и Мишель.

— Счастлив увидеть их. Значит послание все же нашло их?

— О каком послании вы говорите? — спросил Мишель на правильно, но неуверенно произнося лиианские слова.

— Прошлой ночью, по просьбе вашего коллеги Руиз-Санчеса, я отправил послание. В Ксоредешч Гтоне мне сказали, что вы уже вылетели.

— Что мы и сделали, — сказал Мишель. — Рамон, что это? Я помню, что ты сказал, что связью занимался Пол. И ведь ты утверждал, что когда заболел Пол, ты не знал как это делать.

— Я не знал и не знаю. Я попросил Чтексу отправить его за меня.

Мишель посмотрел на Литианина. — О чем же было послание? — спросил он.

— Что вам пора вернуться сюда, в Ксоредешч Сфэт. И что ваше время на этой планете уже на

исходе.

— О чем вы говорите? — поинтересовался Агронский. Он старался следить за разговором, но плохо знал язык и, по-видимому, те несколько слов, что он смог понять только усилили его смутные страхи. — Майк, переведи пожалуйста.

Мишель коротко перевел. Затем, он сказал: — Рамон, неужели после всего что ты обнаружил, ты действительно хотел сообщить нам только об этом? В конце концов, мы и сами знали, что близится время отлета. Мне кажется, что мы не хуже тебя разбираемся в календаре.

— Не сомневаюсь, Майк. Но я не представлял о чем Кливер сообщал вам раньше, конечно если он вообще о чем-нибудь вам сообщал. Я знал лишь то, что связываться с вами каким-либо другим способом ему пришлось бы скрытно. Сперва я подумал что у него в вещах спрятан радиопередатчик, потом мне пришло в голову, что он мог посылать вам сообщения курьером на рейсовых самолетах. Он мог бы сказать вам, что срок пребывания на планете продлен. Он мог сообщить вам, что я погиб. Он мог сказать вам все что угодно. Я хотел быть уверен, что вы прибудете независимо от сообщений Кливера.

Но когда я попал в здешний Центр связи и обна-

ружил, что не смогу связаться непосредственно с вами, я понял, что подробное сообщение до вас не дойдет. Вся радиосвязь из Ксоредешч Сфэта производится через Дерево и если вы попадете туда, то увидите, что землянин неспособен передать даже простейшее послание.

— Это правда? — спросил Мишель у Чтексы.

— Правда? — повторил Чтекса. — Да, это правильно.

— Значит тогда, — немного раздраженно сказал Руиз-Санчес, — вы понимаете почему когда проходивший мимо Чтекса по счастливой случайности узнал меня и предложил свою помощь, мне пришлось сообщить ему лишь суть того о чем я вам рассказал. Я не мог надеяться, что, пройдя не менее чем через двух литиан-посредников, подробности не исказятся. Я мог только во весь голос позвать вас, попросить чтобы вы прибыли сюда вовремя — и надеяться что вы услышите меня.

— У вас неприятности которые похожи на болезнь в доме, — сказал Чтекса. — Я не должен здесь оставаться. Когда неприятности будут у меня, я не смогу попросить оставить меня в покое, если сейчас продолжу навязывать вам свое присутствие. Я принесу подарок в более подхо-

дящее время.

Не попрощавшись даже из вежливости, он, поразив всех своей грациозностью, пригибаясь, вышел в двери. Руиз-Санчес, немного растерявшись, беспомощно смотрел ему вслед. Казалось литиане всегда улавливали суть происходящего — по сравнению с ними даже самые самоуверенные земляне, казалось, просто мучились сомнениями.

И почему они должны сомневаться? Их поддерживала — если Руиз-Санчес не ошибался — вторая по силе Власть во Вселенной, и поддерживала напрямую — без посредников и без противоречивых толкователей. Уже то, что они не страдали от нерешительности, прямо указывало на их происхождение от этой Власти. Свобода выбора была дарована только детям Бога, поэтому они часто были полны сомнений.

Если бы Руиз-Санчес смог, он все же остановил бы Чтексу. В быстротечном споре полезно иметь на своей стороне чистый разум — несмотря на то, что если вы будете полагаться на него слишком долго, этот союзник может вонзить вам нож в сердце.

— Идемте и разберемся во всем до конца, — захлопнув дверь и вернувшись в переднюю сказал

Мишель. — Хорошо, что удалось немного поспать, но до прихода корабля осталось так мало времени, а нам еще нужно принять официальное решение.

— Мы не сможем продвинуться дальше, — возразил Агронский, хотя, как и Руиз-Санчес, он послушно следовал за Мишелем. — Как мы можем принять окончательное решение не зная мнения Кливера? В таких делах на счету каждый голос.

— Абсолютно правильно, — сказал Мишель. — И мне, так же как и тебе, не нравится сложившаяся ситуация — я уже сказал об этом. Но я не вижу иного выхода. Рамон, как ты думаешь?

— Я бы предпочел подождать, — откровенно сказал Руиз-Санчес. — Если посмотреть реально, то любые мои слова так или иначе компрометируют вас обоих. И не говорите, что вы не сомневаетесь в моей честности, ведь точно так же мы доверяем и Кливеру. Но эти доверия взаимоисключают одно другое.

— Рамон, сказав вслух то, что все думали, ты стал на сложный путь, едва улыбаясь, сказал Мишель. — Что же ты можешь предложить?

— Ничего, — признал Руиз-Санчес. — Как ты сказал, время работает против нас. Нам все же

придется идти дальше без Кливера.

— Нет, не придется. — Голос от дверей в спальни от слабости был одновременно и неувереннее и жестче чем обычно.

Все вскочили на ноги. В дверном проеме, крепко вцепившись за его стороны, стоял одетый в шорты Кливер. На одном из его предплечий Руиз-Санчес увидел следы клейкой ленты, которой была закреплена трубка подававшая фруктозу.

VI

Ты сошел с ума, Пол, — сердито, сказал Мишель. — Марш в гамак пока тебе не стало хуже. Как ты не поймешь, что ты болен?

— Мне не так плохо, как вам кажется, — сказал криво усмехаясь Кливер. На самом деле, я чувствую себя вполне прилично. Рот уже почти не болит и не думаю, что у меня есть температура. Да будь я проклят, если наша Комиссия хоть на шаг продвинется без меня. Комиссии не даны такие права и я буду протестовать против любого принятого без меня решения — любого решения, ребята, я надеюсь, вы меня понимаете.

Мишель и Агронский беспомощно посмотрели на Руиза-Санчеса.

— Что ты скажешь, Рамон, — хмурясь сказал Мишель. — Ему уже можно вставать из постели?

Руиз-Санчес был уже возле физика и заглядывал ему в рот. Язвы уже почти сошли, а несколько оставшихся были едва заметны. Глаза Кливера слегка слезились, что говорило о том, что кровь очищена еще не полностью, но больше ничего не напоминало о вчерашних волнениях. Кливер

на самом деле выглядел ужасно, но это было неизбежно, если учесть сколько протеина из клеток своего собственного организма он сжег для выздоровления.

— Думаю, он имеет право даже убить себя, если захочет, сказал Руиз-Санчес. Пол, прежде всего ты должен сесть, надеть халат и укутать ноги одеялом. Потом тебе надо поесть — я займусь этим. Ты замечательно быстро выздоровел, но ослабел и если не излечишься полностью, можешь стать легкой добычей для серьезной инфекции.

— Я согласен на компромисс, — сразу же сказал Кливер. — Я не хочу быть героем, я хочу только чтобы меня услышали. Помогите мне добраться до гамака. Я все еще нетвердо стою на ногах.

Не менее получаса они устраивали Кливера так, чтобы выполнить все предписания Руиза-Санчеса. Похоже, физику даже нравилось то, как с ним возились. В конце концов, после того как он получил кружку гчтехта — местного чая — Мишель сказал:

— Ну что, Пол, ты просто из кожи вон лезешь, чтобы разоблачить себя. Ты ведь именно этого добиваешься. Итак, рассказывай, почему ты с нами не связывался?

— Я не хотел связываться.

— Не спеши, — сказал Агронский. — Пол, не болтай первое, что придет в голову. Хотя говорить связно ты уже можешь, но, трезво рассуждать по-видимому еще не в состоянии. Может ты молчал просто из-за того, что не сумел воспользоваться здешней системой связи — Деревом или еще чем-нибудь?

— Нет, не поэтому, — упрямо сказал Кливер. — Спасибо, Агронский, но не нужно подсказывать мне выход попроще или изобретать для меня алиби. Я вполне осознаю свои действия и знаю, что теперь не смогу убедительно объяснить свое поведение. Мои шансы скрыть все в секрете зависели от возможности полностью контролировать ситуацию. Естественно, что я лишился всякой надежды на это после того, как налетел на этот проклятый «ананас». Я понял это предыдущей ночью когда, сражаясь как дьявол, чтобы вырваться к вам, прежде чем вернется Отец, обнаружил, что не могу это сделать.

— Теперь ты как будто вполне спокойно воспринимаешь это, — заметил Мишель.

— Да, я понимаю, что провалился. Но я реалист. И еще, Майк, я знаю, что мое поведение объясняется чертовски убедительными причинами. Я рассчитываю, что когда расскажу о них, вы

охотно согласитесь со мной.

— Хорошо, — сказал Мишель, — начинай. Кливер откинулся и спокойно сложил руки на коленях. Он явно наслаждался происходящим. Потом он сказал:

— Во первых, как я уже сказал, я не связывался с вами, потому что не хотел. Использовав кого-нибудь из Гадюк для передачи сообщения, я бы справился с Деревом не хуже Отца. Конечно я не говорю по-Гадючьи, но Отец знает их язык и мне нужно было бы лишь довериться ему. Кроме того, я мог бы справиться с Деревом самостоятельно. Я уже разобрался на каких технических принципах основана его работа. Майк, ты увидишь, оно представляет из себя самый большой в этой галактике транзистор, и бьюсь об заклад, большего транзистора просто не существует.

Но я хотел расколоть Комиссию на две группы. Я хотел чтобы вы даже не догадывались о происходящем здесь, на этом континенте. Я хотел чтобы вы предположили наихудшее и, если бы мне удалось это устроить, обвинили бы во всех бедах Гадюк. После возвращения — если бы вы все же вернулись сюда — я собирался подготовиться к тому, чтобы доказать, что Гадюки не позволили мне связаться с вами. У меня было множество

разнообразных планов, чтобы убедить вас в этом, но их теперь не хочется раскрывать — они лишились смысла. Но я уверен, что мои объяснения выглядели бы значительно убедительнее любых рассказов Отца.

Мне просто стыдно, что в последнюю минуту я налетел на эту колючку. Отцу предоставилась возможность заподозрить неладное. Могу поклясться, что если бы не эта случайность, то вплоть до вашего возвращения, он бы ничего и не почувствовал, а потом было бы уже слишком поздно.

— Возможно я бы и вправду ничего не понял, — пристально смотря на Кливера, сказал Руиз-Санчес. — Но то что ты накололся на этот «ананас» не было случайностью. Если бы ты не тратил все время на выдумывание своей собственной, отличной от реальности Литии, а изучал планету, для чего собственно тебя сюда и послали, то знал бы о ней достаточно много, чтобы быть повнимательнее с «ананасами». Кроме того, тебе нужно было научиться говорить по-литиански хотя бы как Агронский.

— Может быть, — сказал Кливер, — ты и прав, но для меня это не имеет значения. Мне достаточно знать, что мои наблюдения Литии оказались

значительнее всего остального. В отличие от тебя, Отец, в экстремальных ситуациях я не щепетилен и не боюсь, что кто-нибудь потом проанализирует мои действия и обо всем узнает.

— Прекратите перебранку, — сказал Мишель. — Пока ты еще ничего толком не рассказал и тебе несомненно придется объясниться. Можешь рассчитывать на то, что мы постараемся понять причину твоих действий или, по крайней мере, не будем чрезмерно упрекать. Мы слушаем тебя.

— Ну что ж, — несколько оживившись сказал Кливер. Яркий газовый свет, осветив его лицо, резко выделил провалы ввалившихся щек когда он наклонился вперед и указал на Мишеля все еще нетвердым пальцем.

— Знаешь ли ты, Майк что находится под нами? Для начала, знаешь ли ты, какие здесь запасы рутила?

— Конечно знаю. Если мы проголосуем за открытие планеты, то на столетие, а то и дольше, будем обеспечены титаном. То же самое отмечено в моем личном отчете. Но мы вычислили это еще до посадки, сразу после того как определили точную массу планеты.

— А как насчет пегматита? — поинтересовался Кливер.

— Пегматит? — несколько удивленно переспросил Мишель.

— Хотя я и не занимался пегматитом, но думаю его здесь очень много. Нам чрезвычайно нужен титан, но не понимаю зачем нам литий — как ракетное топливо этот металл не используется уже более пятидесяти лет.

— И все же на Земле тонна лития до сих пор стоит около двадцати тысяч долларов, Майк, и если учесть инфляцию, то это не ниже цены середины двадцатого века. Это что-нибудь говорит тебе?

— Меня больше интересует, что это говорит тебе — сказал Мишель. — Никто из нас не сможет заработать и гроша на результатах этой экспедиции даже если мы обнаружим, что изнутри планета состоит из чистой платины — что едва ли соответствует истине. А что касается цен на литий то, по-видимому, такое невероятно огромное количество пегматита разрушит земной литиевый рынок? Для чего же, по большому счету, он нужен.

— Литий применяется в производстве бомб, — сказал Кливер. — Термоядерных бомб. И, конечно, в управляемой термоядерной реакции, если мы когда-нибудь осуществим ее.

— Руизу-Санчесу вдруг стало нехорошо и он

снова почувствовал усталость. Он опасался именно таких намерений со стороны Кливера и ему очень не хотелось убедиться в своей правоте.

— Кливер, — сказал он. — Теперь я понял. Даже если бы ты не поранился об этот «ананас», я бы раскусил тебя. В тот же день ты сказал мне, что укололся, когда бродил в поисках пегматитовых залежей и что по твоему мнению Лития могла бы стать хорошим местом для производства трития в промышленных количествах. Ты наверняка думал что я не пойму о чем идет речь. Если бы ты не налетел на эту колючку, то все равно проговорился бы — ты знал меня так же плохо и поверхностно, как и Литию.

— Теперь легко говорить, — снисходительно заметил Кливер, — «Я знал обо всем с самого начала».

— Конечно легко, особенно когда тебе помогают, — сказал Руиз-Санчес. — Но я думаю, что замысел использовать Литию в качестве рога изобилия сыплющего водородными бомбами был лишь началом твоих планов. Я не верю, что даже это было твоей конечной целью. Больше всего тебе хотелось бы, чтобы Лития вообще исчезла из вселенной. Ты ненавидишь эту планету, здесь ты поранился, тебе хочется, чтобы это было

лишь дурным сном. Поэтому ты акцентируешь внимание на имеющихся здесь огромных запасах трития, замалчивая всю остальную информацию о планете, и в том случае, если твое мнение победит, то в интересах безопасности контакты с Литией будут категорически запрещены. Не так ли?

— Все так, кроме фокуса с мнимым чтением мыслей, — презрительно сказал Кливер. — Оказывается все так очевидно, что понятно даже священнику. Майк, такого грандиозного шанса человечеству еще не представлялось. Вся планета — от корней до веток — создана для того, чтобы быть переоборудованной в термоядерную лабораторию и промышленный центр. Она обладает неограниченными запасами руд самых важных веществ. А еще важнее то, что здесь неизвестна ядерная энергия и об этом не нужно беспокоиться. Все ключевые материалы, радиоактивные элементы и все что необходимо для серьезной работы с ядерной энергией придется привезти с собой — Гадюки не имеют об этом представления. Более того, все необходимое — счетчики, ускорители частиц и тому подобное — все это изготовлено из материалов вроде железа, то есть таких, которых нет у Гадюк и на неизвестных им

принципах, например на явлении магнетизма или квантовой теории. Кроме того, здесь есть огромный запас дешевой рабочей силы которая не знает — а после определенных предосторожностей — даже не получит возможности узнать достаточно много, чтобы освоить всю засекреченную технологию.

Теперь нужно лишь присвоить планете статус Неблагоприятная тройного уровня Е и, таким образом, на сто лет исключить возможность использовать Литию в качестве транзитной станции или базы любого типа. В то же время, мы можем обратиться в Комиссии ООН по Пересмотру с информацией о настоящем положении вещей на Литии и предложить статус Тройного А — арсенала для всей Земли и для всего содружества контролируемых нами планет!

— Против кого? — сказал Руиз-Санчес.

— Что ты имеешь в виду?

— Против кого создается этот арсенал? Для чего нам нужно посвятить целую планету созданию тритиевых бомб?

— ООН может применять оружие, — сухо сказал Кливер. — Еще не так давно на Земле было несколько драчливых государств, а история часто повторяется. К тому же, не забывайте, что тер-

моядерное оружие в отличие от атомных бомб может храниться лишь несколько лет. У трития очень короткий период полураспада. Думаю, что вы плохо в этом разбираетесь. Но попомните мое слово, полиция ООН будет рада узнать, что она может получить практически неисчерпаемый запас тритиевых бомб и к черту проблемы шельфовой жизни Литии!

Кроме того, если вы хорошенько все обдумаете, то не хуже меня поймете, что процесс объединения миролюбивых планет не может продолжаться вечно. Рано или поздно — в общем, что произойдет если очередная открытая нами планета окажется подобной Земле? В этом случае, ее жители будут всей планетой отчаянно сражаться, чтобы не подпасть под наше влияние. Или что будет, если следующая открытая нами планета, окажется форпостом другой, большей, чем наша федерации? Когда наступит этот день — а он наступит, это несомненно — мы будем чертовски рады если сможем засыпать от полюса до полюса планету противника термоядерными бомбами и победить с минимальными человеческими потерями.

— С нашей стороны, — добавил Руиз-Санчес.

— А что, есть еще и другая сторона?

— Ей-богу, я согласен с его рассуждениями, — сказал Агронский. Майк, твое мнение?

— Я еще не разобрался до конца, — сказал Майк. — Пол, я все же не понял почему ты не мог обойтись без этих шпионских страстей? Ты честно объяснил свои действия, в твоих рассуждениях есть определенные достоинства, но ведь кроме того ты признался, что решил привлечь всех троих на свою сторону при помощи обмана. Почему? Неужели ты не веришь в силу аргументов?

— Не верю, — резко сказал Кливер. — Я никогда еще не работал в подобной Комиссии, Комиссии без назначенного руководителя, Комиссии, в которую сознательно включено четное количество сотрудников, и поэтому ни одно из противоречивых мнений не сможет победить, Комиссии, в которой голосу ученого приравнивается голос человека чья голова забита елейным лицемерием, абстрактными моральными определениями и метафизикой двухтысячелетней давности.

— Это очень серьезные слова, — сказал Мишель.

— Я знаю. Если на то пошло, то я скажу и здесь и где угодно, что я уверен, что Отец чертовски хороший биолог и что поэтому, его как и всех нас можно назвать ученым — раз уж биология

является наукой.

Но я помню, как однажды я был в биологической лаборатории в Нотр Даме, где они собрали целый мир зародышей животных и растений и увидел даже не знаю сколько биологических чудес. Я много думал, как можно одновременно быть таким хорошим ученым и священником. Я удивлялся, в каких клетках мозга они содержат религию а в каких науку. Я до сих не понимаю этого.

Я не стремился узнать как объединяются эти части мозга именно здесь на Литии. Я собирался устроить так, чтобы вы не согласились с точкой зрения Отца. Вот зачем я устроил весь этот маскарад. Возможно, я поступил глупо — думаю, что нужно учиться чтобы стать удачливым провокатором и мне нужно было подумать об этом сразу. Но я не сожалею, что попробовал. Я сожалею только о том, что проиграл.

VII

Воцарилась короткая болезненная тишина — Это действительно так? — сказал Мишель.

— Именно так, Майк. Да — и еще. Мой голос — если кто-нибудь не понял — за то, чтобы эта планета была закрыта. Вот мое мнение.

— Рамон, — сказал Мишель, — может ты выскажешься? Ты конечно можешь говорить — обстановка несколько накалилась.

— Нет, Майк, давай послушаем тебя.

— Я тоже пока не могу высказаться, разве только если вы потребуете. Агронский, ты готов?

— Вполне, — сказал Агронский. — Я рассуждаю как геолог и как обыкновенный человек, который с трудом следит за вашими утонченными умствованиями и с этой точки зрения поддерживаю Кливера. В том, что я от него услышал, есть все аргументы как за, так и против Литии. Эта планета ничем не отличается от других, ее ресурсы не представляют для нас особой ценности, здесь очень спокойно и нет ничего опасного для жизни — во всяком случае, мне так показалось. Здесь можно построить удобную транзитную ба-

зу, но в этом районе галактики достаточно много других подходящих для этого планет. Как говорит Кливер, здесь можно разместить значительный арсенал. А вообще-то она не полезнее для нас, чем та болотная вода которой здесь залита половина суши. Единственно, что она могла бы нам еще предложить так это титан, которого на земле все же не так мало как кажется Майку и драгоценные, а прежде всего, полудрагоценные камни, которые мы можем синтезировать дома не летая за сорок световых лет. Здесь нужно строить либо транзитную базу, либо то, что предложил Кливер.

— Но что? — спросил Руиз-Санчес.

— А что важнее, Отец? Ведь баз так много, что ими хоть пруд пруди, правда? В то же время, редкую планету можно использовать в качестве термоядерной лаборатории — во всяком случае, насколько я знаю, Лития первая такая планета. Зачем же использовать уникальную планету для заурядных целей? Почему бы не применить принцип Окамы — закон целесообразности? Он срабатывает при решении самых разных научных проблем. Бьюсь об заклад, что здесь он тоже подойдет.

— Значит ты голосуешь за закрытие планеты, — сказал Майк.

— Конечно. Ведь именно об этом я и говорил, не правда ли?

— Я хотел убедиться наверняка, — сказал Мишель. — Рамон, похоже пришел наш черед. Если не возражаешь, я начну?

— Конечно, Майк.

— Итак, — не меняя обычного тона, уверенно начал Мишель, — признаюсь, что считаю обоих джентльменов глупыми, а глупость их вредной, потому что они претендуют называться учеными. А твое мелкое мошенничество, Пол, просто оскорбительно и я не стану даже говорить о нем. Я даже не потружусь сообщить о нем в отчете, так что не жди от меня подвоха. Как ты и просил, я буду говорить лишь о твоих планах, ради которых ты нас обманывал.

Самодовольное лицо Кливера несколько потускнело. — Продолжай, — сказал он и потуже обернул одеяло вокруг ног.

— На Литии даже не выйдет начать строительство арсенала, — сказал Мишель. — Любое из твоих доказательств представляет из себя или полуправду или чистейшую бессмыслицу. Например, ты говоришь о дешевой рабочей силе — чем ты заплатишь литианам? Они не используют деньги и ты не сможешь вознаградить их това-

рами. Они имеют все в чем испытывают нужду и их устраивает такой образ жизни; Господи, да они ничуть и не завидуют нашим достижениям, которые, как мы думаем, возвеличили Землю. Он оглядел освещенную мягким газовым светом плавно округленную комнату. — Я не вижу где здесь может пригодиться, например, пылесос. Чем ты будешь платить литианам чтобы они работали на твоих термоядерных заводах.

— Знаниями, — хрипло сказал Кливер. — Они еще много хотят узнать.

— Но какими знаниями? Они захотят получить совершенно определенные знания — именно те, которые ты не сможешь им передать, потому что тогда они обесценятся и не смогут служить платой за труд. Может ты собираешься научить их квантовой теории? Так ты не поступишь — это может быть опасно. Или ты научишь их термодинамике? И снова, эта информация подскажет им что-нибудь опасное для тебя. Ты научишь их получать из руды титан или поможешь собрать достаточно много железа чтобы выйти из Каменного Века? Конечно же этого ты не сделаешь. Фактически нам нечего предложить им. Они просто не будут работать для нас на таких условиях.

— Предложим им другие условия, — коротко

сказал Кливер. — На этой планете будет не сложно ввести в употребление деньги — даешь Гадюке клочок обыкновенной бумаги на котором написано, что он равен доллару и если она спросит, что делает эту бумажку равной доллару — ну что ж, ответ такой — это МЫ так решили.

— А для вящей убедительности, повесим ему через плечо автомат, — вмешался Руиз-Санчес.

— Неужели мы зря производим автоматы? Не знаю для чего они еще могут пригодиться. Или вы нацеливаете их на кого-то или выбрасываете.

— Следовательно — рабство, — сказал Мишель. В этом, как мне кажется, суть тезиса о дешевой рабочей силе. Я не буду голосовать за рабство. Рамон не будет. Агронский, ты?

— Нет, — смущенно сказал Агронский. — Но это не самое главное.

— Как раз наоборот. Именно поэтому нас сюда направили. Предполагается, что мы будем беспокоиться о благополучии литиан, как о своем — в противном случае вся затея с нашей Комиссией превращается в простую трату времени, ума, денег. Если нам нужна дешевая рабочая сила, мы можем поработить любую планету.

Агронский молчал.

— Говори, — твердо сказал Мишель. — Это так,

не правда ли?

Агронский сказал: — Думаю так. — Кливер?

— Рабство, это бранное слово, — угрюмо сказал Кливер. — Ты намеренно все усложняешь.

— Повтори.

— Черт побери. Хорошо, Майк, я знаю ты этого не делаешь. Но ты неправ.

— Как только ты докажешь это, я тут же соглашусь с тобой, — сказал Мишель. Он резко встал с пуфа, прошелся к окну и снова сел, поглядывая в скрытую дождем темноту. Руиз-Санчес не ожидал что он может так волноваться.

— Тем временем, — подвел итог Мишель, — я изложу свои доказательства. Начну с твоей, основанной на автоматах теории, Пол. Ты думаешь, что литиане не смогут понять секретную информацию и научиться передать ее так, что ты не сможешь их проконтролировать. Здесь ты снова ошибаешься и не допустил бы такой ошибки, если бы хоть поверхностно познакомился с литианами. Они высоко интеллектуально развиты и уже много знают по интересующим их проблемам. Сегодня я кое-что рассказал им о магнетизме и они буквально впитали эту информацию и с огромной изобретательностью принялись за дело.

— Я тоже столкнулся с этим, — сказал Руиз-Санчес. — Я предложил им перспективную методику сбора железа. Стоило только рассказать о ней, как они уже наполовину разрешили проблему ее внедрения и очень быстро продвигаются вперед. Они максимально используют даже самый туманный намек.

— На месте ООН я бы классифицировал оба поступка как измену, — резко сказал Кливер. — Возможно, что на Земле именно так это все и расценят, поэтому думаю на Земле вам лучше сказать что Гадюки сами пришли к этим выводам.

— Я не планирую хоть как-то фальсифицировать свой доклад, — сказал Мишель, — но, тем не менее, спасибо — я ценю твой душевный порыв. Но это еще не все. Что касается существенного аргумента против твоей идеи, Пол, то думаю она так же бесполезна, как и нереальна. Независимо от цены на литий на Земле, то что ты попал на переполненную им планету совсем не означает, что ты нашел «золотое дно». Все дело в том, что ты не сможешь транспортировать литий домой.

Его плотность настолько мала, что на одном корабле ты не сможешь отправить более одной тонны, а пока ты доберешься до Земли, путевые расходы съедят половину выручки. Ты обязан

знать, что на Луне производится много лития который даже с такого близкого расстояния невыгодно возить на Землю. Еще расточительнее доставлять сюда с Земли необходимое для производства лития тяжелое оборудование. К тому времени, как ты соорудишь здесь циклотрон и все остальное, ты будешь стоить ООН так много, что эти расходы не компенсируешь даже самыми большими объемами добычи здешнего пегматита — Сама добыча металла влетит в копеечку, — чуть нахмурившись сказал Агронский.

— В этой атмосфере литий вспыхнет как бензин.

Мишель посмотрел сначала на Агронского, потом на Кливера, затем в наоборот. — Конечно вспыхнет, — сказал он. — Вся затея просто нереальна. Мне кажется, что мы должны многому научиться у литиан, так же как и они у нас. Их общественная система работает как точный механизм не угнетая, при этом, отдельную личность. Это насквозь пронизанное свободомыслием сбалансированное общество. Все здесь находится в равновесии которое своей надежностью походит на идеальное химическое равновесие.

Более нелепого анахронизма, чем идея использовать Литию в качестве завода по производству

тритиевых бомб я не встречал — это такой же бред, как предложение оборудовать космический корабль парусами. Здесь на Литии скрыта настоящая тайна, которая делает бесполезной и ненужной саму идею производства бомб и любого другого оружия!

И кроме всего этого — нет, извини, Пол, я еще не закончил — кроме всего этого литиане опередили нас в некоторых чисто технических вопросах на многие сотни лет, в то время как мы опередили их в других. Ты же видел, чего они достигли в керамике, в использовании полупроводников и статического электричества, в разных смежных дисциплинах вроде гистохимии, иммунохимии, биофизики, тератологии, электрогенетики, лимнологии и еще в полусотне других. Ты не мог не увидеть, если смотрел.

Мне кажется, нам нужно сделать гораздо больше, чем просто проголосовать за открытие планеты. Это слишком пассивный шаг. Нужно понять, что возможность использовать Литию это лишь начало. На самом же деле мы активно нуждаемся в ней. Об этом обязательно нужно сказать в наших рекомендациях.

Он поднялся и посмотрел на них сверху вниз, особенно вглядываясь в Руиза-Санчеса. Священ-

ник восхищенно и, одновременно сочувственно улыбнулся и перевел глаза на свои туфли.

— Ну что, Агронский? — будто выстреливая слова через стиснутые как от боли зубы, сказал Кливер. — Что ты теперь запоешь? Как тебе понравилась эта складная сказочка?

— Действительно, мне понравилось, — откровенно сказал Агронский. Его прямолинейность была его достоинством и, в то же время часто раздражала, потому что он всегда говорил именно то, что думал в момент вопроса. — Майк говорит разумно — от него нельзя было ожидать другого, если ты понимаешь что я имею в виду. В его пользу говорит еще и то, что он рассказал свои соображения не пытаясь сначала привлечь нас на свою сторону обманом.

— Да не будь же идиотом! — воскликнул Кливер. — мы ученые или скауты в походе? Любой здравомыслящий человек предпринял бы подобные предосторожности против состоящего из благодетелей большинства.

— Возможно, — сказал Агронский. — Я не знаю. Но все же эти предосторожности свидетельствуют о слабых местах в твоих рассуждениях. Я не люблю когда меня водят за нос. И еще меньше мне нравится когда меня называют идиотом. Но

прежде чем ты еще как-нибудь меня обзовешь, я скажу что по-моему ты ближе к истине, чем Майк. Мне не нравятся твои методы, но твоя цель кажется мне разумной. Майк разорвал в клочья несколько твоих главных аргументов, это так, но для меня ты все еще впереди — на ноздрю.

Он замолчал, тяжело дыша и пристально глядя на физика. Потом он сказал: — Но, не дави, Пол. Я не люблю чтобы на меня давили.

Мишель на мгновение замер. Затем он пожал плечами, вернулся к своему пуфу и сел, сцепив руки между коленями.

— Я сделал все что мог, Рамон, — сказал он. — Но похоже пока ничья. Может у тебя получится лучше.

Руиз-Санчес глубоко вздохнул. Несмотря на что принимая свое решение он руководствовался лишь благими намерениями, последствия несомненно будут тревожить его до конца жизни. Само решение уже стоило ему многих мучительных часов сосредоточенных раздумий. Но он верил, что это должно быть сделано.

— Я не согласен ни с кем из вас, — сказал он. Я убежден, что, как предложил Кливер, о Литии нужно доложить как о планете соответствующей статусу Неблагоприятной тройного уровня Е. Но

по моему мнению, необходимо также добавить особую отметку — X-1.

— X-1 — но ведь это знак карантина, — сказал Мишель. Но ведь тогда — Да, Майк. Я предлагаю опечатать Литию и предохранить ее от любых контактов с человеческой расой. Не только на сейчас или на следующее столетие, а навсегда.

VIII

Его слова не вызвали шок, как он опасался — или, возможно, как подсознательно надеялся. Очевидно все слишком устали для этого. Они ошеломленно замерли, хотя его слова были слишком невероятными чтобы оказаться абсолютно бессмысленными. Трудно было сказать кого сильнее — Кливера или Мишеля — уязвили слова Руиза-Санчеса. Наверняка видно было лишь то, что Агронский первым пришел в себя от удара и теперь демонстративно прочищал уши, будто готовясь услышать как Руиз-Санчес отречется от своих слов.

— Так, — начал Кливер. И снова, удивленно, по-стариковски покачивая головой: — Та-ак…

— Объясни, почему же, Рамон, — сцепляя и расцепляя руки, спросил Мишель. Он старался говорить равнодушно, но Руиз-Санчес почувствовал в его голосе страдание.

— Обязательно. Но предупреждаю что начну издалека. То что я собираюсь сказать, кажется мне предельно важным и я не хочу чтобы мои аргументы были отброшены под предлогом того,

что они являются продуктом моего специфического обучения и предрассудков — что, возможно, интересно для изучения как заблуждение, но неуместно при обсуждении самой проблемы. Подтверждающий мое решение факт невозможно опровергнуть. Он просто перевернул мое представление о планете и разрушил надежды, которые я на нее возлагал. Я хочу рассказать вам о нем.

— И еще он хочет чтобы мы поняли, — немного придя в себя, желчно сказал Кливер, — что у него аргументы религиозного содержания, которые не выдержат никакой критики если он точно их сформулирует.

— Тихо, — сказал Мишель. — Слушай.

— Спасибо, Майк. — Хорошо, продолжим. Мне кажется, что эту планету можно назвать западней. Давайте я коротко расскажу как я это представляю или, скорее, как я это понял.

Лития это рай. Больше всего она походит на Землю в ее до-Адамовый период истории незадолго до начала ледникового периода. Сходство заканчивается как раз на этом, потому что на Литии никогда не начнется ледниковый период и рай не закончится, как это произошло на Земле. Здесь мы встретили совершенно смешанный

лес в котором бок о бок абсолютно дружелюбно растут совершенно разные растения. Такое миролюбие в значительной степени характерно и для здешних животных. Лев не спит здесь рядом с ягненком, потому что на Литии нет таких животных, но в качестве аналогии фраза уместна. Паразитизм встречается здесь значительно реже, чем на Земле и лишь несколько растений питаются здесь насекомыми. Почти все живущие на суше животные травоядны, а растения, что свойственно только для Литии, превосходно устроены для борьбы с животными, а не друг с другом.

Экологическая система здесь необычна и одна из ее странностей состоит в настойчивой, будто кем-то организованной рациональности.

В этом раю есть доминантное существо, литианин, человек Литии. Это существо разумно. Оно естественно и без заметного принуждения живет по высочайшему этическому кодексу, равного которому мы никогда не имели на Земле. Чтобы обеспечивать действие этого кодекса не требуется никаких законов — хотя он никогда не был записан, все почему-то безропотно подчиняются ему. Здесь нет преступников, нет инакомыслящих, нет каких-либо отклонений от нормы. Этот народ не приведен к общему стандарту — в

отличие от нашей весьма неудачной попытки решить известную этическую дилемму путем всеобщего уравнивания, здесь каждый представляет собой индивидуальность. Хотя, тем не менее, никто никогда не совершал антиобщественных поступков.

Майк, а теперь ответь мне: как ты можешь это объяснить?

— Так же как я уже говорил тебе, — сказал Мишель. — У них исключительно высоко развита наука об обществе, которая очевидно основана на точной психологической науке.

— Очень хорошо, я продолжаю. Мне тоже сначала так показалось. Потом мне пришло в голову, что у литиан нет инакомыслящих — подумайте только, нет инакомыслящих — потому что их кодекс образцовой жизни, благодаря невероятнейшему совпадению, от первой до последней страницы повторяет наши заповеди, те заповеди которым мы так стараемся следовать на Земле. Подумайте пожалуйста, как ничтожна вероятность такого совпадения. Даже на Земле никогда не было общества, которое независимо от опыта христианства точно повторило бы христианские заповеди. Действительно, несколько совпадений было и их оказалось достаточно, чтобы вдохно-

вить Двадцатый Век на поиски синтетических религий вроде Теософиии или Голливудской Венданты, но на Земле нет ни одной независимой этической системы которая до запятой соответствовала бы христианским заповедям.

И вот, кого же мы встречаем здесь, в сорока световых годах от Земли? Христианский народ у которого нет лишь специфических личных имен и христианской символики. Я не знаю, как вы относитесь к этому совпадению, но я нахожу его чрезвычайным и конечно же, абсолютно невозможным — теоретически невозможным — и поэтому имеющему лишь одно приемлемое объяснение. Я скоро дойду до этого объяснения.

— Как по мне, то скоро до него дойти ты не сможешь — угрюмо сказал Кливер. Это вне моего понимания, как может человек, находясь в глубоком космосе, в сорока световых годах от дома, нести такую ветхозаветную ерунду.

— Ветхозаветную ерунду? — более сердито, чем от него ожидали сказал Руиз-Санчес. — Ты что же, хочешь сказать что то, что истинно на Земле, в глубоком космосе автоматически подвергается сомнению? Кливер, я позволю тебе напомнить, что квантовая механика как-будто истинна и на Литии, и в таком ее поведении ты не видишь вет-

хозаветности. Если в Перу я верил что вселенную создал Бог, то я не вижу никакой ветхозаветности в том, что и на Литии я верю в это.

Совсем недавно я решил, что случайно обнаружил спасительную лазейку. Чтекса рассказал мне что литиане хотели бы регулировать количественный рост своей популяции — он имел в виду, что они согласились бы как-нибудь регулировать рождаемость. Но, как оказалось, на Литии невозможен тот метод ограничения рождаемости который порицает моя Церковь и Чтекса размышлял о таком контроле на ступени зачатия, с которым моя Церковь уже согласилась. Таким образом, даже такая мелочь снова заставила меня вернуться к мысли, что на Литии мы обнаружили колоссальнейший укор нашим притязаниям — целый народ который без особых усилий живет жизнью которую мы приписываем только праведникам.

Учтите, что мусульманин не понял бы этого если бы посетил Литию. Не понял бы этого и даосист. Не понял бы этого и зороастриец, если бы такой еще существовал и классический грек. Но для нас четверых — включая и тебя, Кливер потому что несмотря на твое мошенничество и твой агностицизм ты все же в значительной степени

разделяешь этику христианства хотя и насмехаешься над ней — то что мы нашли здесь на Литии это совпадение которое не поддается описанию. Это более, чем невероятное совпадение — не существует понятия способного передать степень этой невероятности.

— Подожди минутку, — сказал Агронский. — Теософский туман. Майк, я ничего не смыслю в антропологии, здесь я перестал понимать. Я следил за Отцом до того, как он говорил о смешанном лесе, но я не могу судить об остальном. То что он говорит, это правда?

— Да, думаю правда, — медленно сказал Мишель. — Но отсюда можно сделать разные выводы, если из этого вообще чтолибо следует. Рамон, продолжай.

— Я едва начал. Я все еще описываю планету и более подробно останавливаюсь на литианах. О литианах нужно говорить гораздо больше — пока я сообщил лишь самые очевидные факты. Я могу напомнить много не менее известных фактов: то что у них нет деления на нации и нет соперничества между нациями (причем если вы посмотрите на карту Литии, то вы найдете все предпосылки для подобных межнациональных распрей), что они обладают эмоциями и чувствами которые,

тем не менее, не приводят их к безрассудствам, что они говорят на едином языке, что они живут в гармонии со всем существующим в их мире. Короче говоря, таких людей не бывает, но они все же существуют.

Майк, я знаю, что мы не найдем более совершенной иллюстрации того, как должны себя вести человеческие существа хотя бы потому, что сейчас литиане ведут себя так, как люди уже вели себя когда-то, до того, как в нашей истории произошли разные, письменно зафиксированные события. Но я убежден, что литиане бесполезны для нас как пример для подражания, потому что до наступления Царства Божьего слишком мало людей сможет повторить их образ жизни. Человеческие создания, в отличие от литиан, имеют какой-то врожденный изъян, так что после тысячелетних испытаний мы даже отдалились от наших исходных заповедей, в то время как литиане никогда не отступали от своих и на шаг.

Между прочим, не забывайте, что эти заповеди одинаковы на обеих планетах. Это невозможно. Но это так.

Теперь я хочу рассказать о еще одной отличительной черте литианской цивилизации. Неважно, воспримете ли вы этот факт как доказа-

тельство моей точки зрения или нет. Дело в том, что литиане подчиняются лишь логике. У них нет богов, нет мифов, нет легенд — нет всего того, что сопровождает любого землянина независимо от его происхождения. Они не верят в сверхъестественное, в то, что на современном варварском жаргоне мы называем «паранормальными явлениями». У них нет традиций. У них нет табу. У них нет никаких верований. Они рациональны как машина. От органического компьютера литианин отличается фактически лишь тем, что он обладает этическим кодексом и следует этому кодексу в жизни.

Но все это — я прошу вас обратить внимание — абсолютно неестественно. Их разум основан на наборе аксиом и суждений которые были «заданы» со дня творения, причем литиане и не допускают, что когда-нибудь существовал Тот Кто Дал Закон. Для любого литианина, для того же Чтексы, например, каждый индивидуум является святыней. Почему? Наверняка не из рассудочных соображений, потому что это утверждение невозможно логически обосновать. Это аксиома. Чтекса верит в юридическую защиту, в равенство всех перед законом. Почему? Можно вести себя разумно исходя из утверждения, но не

обосновывать логически свой путь к нему.

Если вы допустите, что степень ответственности перед законом зависит от вашего возраста, профессии или семейного положения, то ваше поведение может логически следовать из одного из этих предположений; хотя и к этому невозможно прийти опираясь лишь на разум. Кто-то начнет с утверждения: «Я думаю, что люди должны быть равны перед законом.» Это мнение существует на уровне убеждения. И не более того. Литианская цивилизация так упорядочена, что приходится предположить что можно дойти до основополагающих заповедей христианства и всей Западной цивилизации Земли, при помощи одного лишь голого разума, хотя абсолютно очевидно, что это невозможно.

— Это аксиомы, — проворчал Кливер. — К такому не придешь и при помощи веры. До этого вообще не додумаешься. Это самоочевидно.

— Подобно аксиоме о том, что к данной прямой линии можно провести только одну параллельную прямую? Продолжай, Кливер, ты же физик; брось в меня камень и скажи, что это самоочевидно, что он твердый.

Это странно, — тихо сказал Мишель, — что хотя литианская культура фактически основана на ак-

сиомах, литиане даже не имеют понятия об этом. Я не мог сформулировать свои сомнения прежде, Рамон, но меня тоже смутила бездоказательность многих их суждений. Посмотри, чего они достигли например в физике твердого тела. Эта наука является примером логического построения и аксиому о реальности материи получаешь когда доходишь до ее основ. Откуда они это знают? Как же логика ведет их к знанию? Если я скажу что атом это просто дырка-в дырке-через дырку, то где же здесь сможет вмешаться разум?

— Но это срабатывает, — сказал Кливер.

— Так же срабатывает наша физика твердого тела — но мы используем другие аксиомы, — сказал Мишель. — Не об этом речь. Что касается меня, то я не понимаю, на чем строятся такие грандиозные логические построения которые создаются литианами. Не похоже чтобы они на что-либо опирались.

— Это я вам объясню, — сказал Руиз-Санчес. — Вы не поверите, но, тем не менее, я расскажу, потому что я должен это сделать. Им помогают. Это простой ответ и, одновременно, полный ответ. Но сперва я хочу добавить еще кое-что о литианах.

— Полная физическая рекапитуляция происхо-

дит у них вне тела.

— Что это значит? — сказал Агронский.

— Знаете ли вы как растет человеческое дитя в материнском чреве? Все начинается с одноклеточного организма, который вырастает в простейшее существо, напоминающий гидру или простейшую медузу. В своем развитии оно очень быстро проходит через много других животных форм, включая рыбу, амфибию, рептилию, низшее млекопитающее и уже перед рождением, наконец принимает почти человеческий облик. Этот процесс биологи называют рекапитуляцией.

Считается, что эмбрион в ускоренном режиме проходит через различные стадии эволюции которую прошла жизнь от одноклеточного организма до человека. Между прочим, в процессе развития имеется стадия, когда у эмбриона есть жабры. Почти до самого конца пребывания плода в чреве у него есть хвост и иногда он остается и после рождения. Система кровообращения плода на одной из стадий развития соответствует системе кровообращения рептилии и если эмбрион не сможет благополучно пройти эту стадию, ребенок рождается с врожденным пороком сердца. И так далее.

— Понятно, сказал Агронский. — Я просто не понял термин.

— Итак, литиане, по мере развития, также проходят через такую череду метаморфоз, но развиваются они вне тела матери. Вся планета представляет собой одно гигантское материнское чрево. Самки литиан откладывают яйца в свою брюшную сумку а затем идут к морю где и дают жизнь своим детям. У них рождается не рептилия, а рыба. Некоторое время такая рыба живет в море, затем развивает рудиментарные легкие и выходит на берег. Попав при помощи приливов и отливов на отмель, легочная рыба копошась в грязи развивает рудиментарные ноги и учась переносить невзгоды жизни вне моря, становится амфибией. Постепенно ее конечности укрепляются и увереннее служат туловищу и она превращается в большое, похожее на лягушку существо, стаи которых мы иногда видим лунными ночами, когда они убегают от крокодилов.

Большинство переживает эти превращения. Они продолжают прыгать и в джунглях, где снова изменяются и превращаются в маленьких, похожих на кенгуру рептилий — мы часто вспугиваем их в зарослях. В конце концов, они вырастают, выходят из джунглей и селятся в городах как

готовые к образованию молодые литиане. Но к этому времени они уже познали все ловушки этой планеты, кроме тех, что может им предложить их собственная цивилизация.

Мишель снова сцепил руки и взглянул на Руиза-Санчеса. — Но ведь это бесценное открытие! — сдерживая восторг сказал он. — Рамон, уже только это открытие оправдывает наше посещение Литии. Я не могу представить почему оно привело тебя к мысли о необходимости закрыть эту планету! Разумеется, твоя Церковь никак не может отрицать этого — в конце концов, ваши ученые признали рекапитуляцию человеческого эмбриона, как и геологические срезы которые демонстрируют протекание подобного процесса в более продолжительные отрезки времени.

— Нет, — сказал Руиз-Санчес, — мы сделали это лишь до известной степени. Как обычно, Церковь согласилась с фактами. Но, не прошло еще и десяти минут как ты сам предположил, что одни и те же факты одновременно подсказывают пути в совершенно разных направлениях. Церковь так же враждебна к теории эволюции — особенно к ее части о человеке — как и всегда была, и основывается в этом на убедительных доказательствах.

— Или на дурацком упрямстве, — сказал Кли-

вер.

— Хорошо, Поль, взгляни на все с точки зрения Библии. Если мы допустим, что человек был создан Богом, то создал ли Он его совершенным? Я предполагаю, что Он создал его именно таким. Будет ли человек совершенен без пупка? Я не знаю, но я склоняюсь к мысли, что нет. Хотя первый человек, Адам, не был рожден женщиной — допустим и это — и таким образом действительно не нуждался в пупке. Тем не менее, без него он был бы несовершенен, и клянусь, он имел пупок.

— Что же это доказывает?

— То что геологические сведения, как и рекапитуляция не доказывают теорию эволюции. Если мы примем мою исходную аксиому, по которой мир создан Богом, то из нее абсолютно логично следует что он должен был дать Адаму пупок, Земле геологическую историю а эмбриону процесс рекапитуляции. О реальном прошлом эти явления никак не свидетельствуют — просто иначе они были бы несовершенными.

— Ого, — сказал Кливер. — А я был уверен, что это релятивистская теория Милна трудна для понимания.

— Да, любая цельная концепция при тщательном изучении углубляется и усложняется. Я не

вижу причин почему моя вера в Бога, которую вы не можете постичь, более умозрительна, чем представление Майка об атоме как о дырке-внутри-дырки-через-дырку. Я подозреваю, что после продолжительных исследований, мы доберемся до тех частиц из которых состоит вселенная, и обнаружим, что на самом деле там ничего нет — просто Ничего которое перемещается Никуда в Не-Времени. В тот день, когда это произойдет, у меня останется Бог, а вы останетесь ни с чем — хотя ничем иным мы не будем различаться.

Но, между тем, то что мы обнаружили на Литии не вызывает сомнений. Теперь я наконец могу быть откровенным — планету и живущий на ней народ создал Верховный Враг. Эта гигантская западня поставлена на всех нас. Единственно что мы можем сделать, так это отвергнуть ее, сказать ей — Retro me, Sathanas[5]. Мы будем прокляты если станем как-нибудь сотрудничать с ней.

— Почему, Отец? — тихо сказал Мишель.

— Взгляни что нам дано, Майк. Раз — для поступка всегда достаточно рассудочного решения. Два — самоочевидное всегда реально. Три — добро не руководит их действиями. Четыре — честность

---

[5] Примечания: 5
Retro me, Sathanas — Изыди, Сатана *(лат.)*

и порядочность никак не связаны с хорошими поступками. Пять — хорошие поступки возможны без любви. Шесть — мир не нуждается во взаимопонимании. Семь — этика возможна без дурных альтернатив. Восемь — мораль может существовать без совести. Девять — но нужно ли продолжать дальше? Мы уже слышали все эти предложения раньше и мы знаем Кто делал эти предложения.

Кроме того, мы видели подобные свидетельства и ранее — например, сначала нам предлагалось поверить, что лошадь эволюционно произошла из эогипуса. Затем, открытие внутриутробного эволюционного развитие плода, которое должно было уничтожить веру в первородный грех, но, тем не менее, и эта попытка объединить человечество вокруг эволюционной теории провалилась. Оба аргумента были весьма коварны, но Церковь повергнуть нелегко, она основана на камне.

Теперь, на Литии, перед нами новое свидетельство, самое утонченное и в то же время самое откровенное из всех предыдущих. Это свидетельство совратит множество тех людей, которых невозможно было совратить другими способами и которым недостанет проницательности

или жизненного опыта, чтобы понять что это свидетельство ложно. Создается впечатление, что уже сам масштаб демонстрации послужит неотразимым аргументом в пользу эволюции. Предполагается раз и навсегда разрешить сомнения, оттеснить в сторону Бога, разорвать цепи которые уже столько веков скрепляют камень Петра. С этого времени исчезнут сомнения — не будет больше Бога, останется лишь феноменология — и, конечно, за кулисами, в дыре, которая внутри дыры которая через дыру будет таиться само Великое Безбожие собственной персоной, которое из всех слов знает лишь слово Нет. Оно имеет много других имен, но мы знаем его главное имя. Вот что останется для нас.

Поль, Майк, Агронский, ко всему сказанному я могу добавить лишь одно — человечество стоит на краю Преисподней. По милости Божьей мы все еще имеем возможность вернуться. Мы должны вернуться — и я уверен, что, это наш последний шанс.

IX

Голосование закончилось и выбор был сделан. Комиссия попала в затруднительное положение и это означало, что проблема будет снова рассматриваться в высоких кабинетах на Земле, что будет означать консервацию Литии на много лет. Теперь, планета была уже фактически занесена в Перечень планет запрещенных к посещению.

Корабль прибыл на следующий день. Команда не очень удивилась обнаружив, что две противостоящие друг другу группировки Комиссии едва разговаривают друг с другом. Так часто случалось.

Четверо членов Комиссии почти в полной тишине привели после себя в порядок дом в котором их поселили литиане. Укладывая голубую книгу с золотым тиснением, Руиз-Санчес глянул на нее лишь уголком глаза, но даже боковым зрением он не смог сдержаться и прочел ее заглавие:

ПОМИНКИ ПО ФИННЕГАНУ

Джеймс Джойс

Ему показалось, что его самого сброшюрова-

ли, переплели и упаковали — искалеченный человеческий текст готовый для толкования и обсуждения новыми поколениями иезуитов.

Он вынес вердикт, который счел необходимым вынести. Но он знал, что это решение не было окончательным даже для него самого, и, конечно, не для ООН, не говоря уже о Церкви. Тем не менее, его решение будет заковыристым вопросом для дискуссии еще не родившихся членов его Ордена:

Правильно ли Отец Руиз-Санчес истолковал Священное Писание и если так, то следует ли его решение из него?

— Пора идти, Отец. До отлета осталось совсем немного.

— Все готово, Майк.

Нужно было немного пройти до открытого места, туда, где стояла могучая игла корабля готового к тому, чтобы через хитросплетения маршрутов глубокого космоса принести их к сияющему над Перу солнцу. Багаж загрузили спокойно и без задержки. Там были образцы животного мира планеты, фотопленки, разнообразные доклады, записи, коробки с геологическими образцами, виварiумы, аквариумы, образцы биологических культур, гербарии, куски руд, законсервирован-

ные в неоне литианские манускрипты — все это при помощи кранов было аккуратно погружено на борт корабля.

Первым к шлюзу поднялся Агронский, за ним последовал Мишель. Кливер в последний момент укладывал какие-то принадлежности которые, как оказалось, требовали осторожного, чуть ли не почтительного обращения которого нельзя было ожидать от бесчувственных кранов. РуизСанчес воспользовался этой короткой задержкой и решил еще раз пройтись до опушки.

Он сразу же увидел Чтексу. Литианин стоял у самой тропинки по которой земляне пришли к кораблю из города. Он что-то принес с собой.

Кливер тихо выругался и начал перекладывать вещи. РуизСанчес поднял руку. Чтекса тут же поспешил к кораблю.

— Я желаю вам счастливого пути, — сказал литианин, — куда бы вам ни пришлось лететь. Я желаю также, чтобы ваш путь привел вас когда-нибудь снова на эту планету. Я принес тебе дар, который я приготовил для тебя, если сейчас подходящий для этого момент.

Кливер выпрямился и подозрительно рассматривал литианина. Так как он не понимал его слова, он не мог ни к чему придраться — он лишь

стоял и буквально излучал неприязнь.

— Спасибо, — сказал Руиз-Санчес. Это дитя Дьявола делало его несчастным, мучительно обвиняло в неправоте. Как мог Чтекса догадаться?

Литианин протягивал ему запечатанную сверху маленькую вазу, с двумя едва оттопыривающимися ручками. Она была изготовлена из сверкающего фарфора, под эмалью все еще не затих формировавший вазу огонь — ваза переливалась, приходила в движение от длинных колеблющихся фестонов и радужных завитков, а ее форма заставила бы любого древнегреческого горшечника со стыдом отречься от своего ремесла. Она была так прекрасна, что было невозможно найти ей практическое применение. Конечно невозможно было сложить в нее недоеденную пищу и поставить в холодильник. Кроме того она заняла бы там слишком много места.

— Это мой дар, — сказал Чтекса. — Это самый лучший контейнер который можно найти в Ксоредешч Гтоне, материал из которого он изготовлен содержит включения всех найденных на Литии элементов, даже железа и при этом, как видишь, он показывает цвета любого оттенка эмоции или мысли. На Земле он много расскажет землянам о Литии.

Мы не сможем подвергнуть ее анализу, — сказал Руиз-Санчес. Она слишком совершенна, чтобы разбить ее, слишком совершенна даже чтобы открыть ее.

— Как, но мы хотим, чтобы вы открыли ее, — сказал Чтекса. — Потому что она содержит наш другой дар.

— Другой дар?

— Да, более важный. Оплодотворенное живое яйцо нашего вида. Возьми его с собой. К тому времени как ты достигнешь Земли, дитя будет готово вылупиться и сможет вырасти в твоем странном и замечательном мире. Этот контейнер это подарок от нас всех, но дитя внутри — от меня, потому что это мой ребенок.

Руиз-Санчес дрожащими руками взял вазу, как будто ожидая, что она взорвется. Покоренный огонь содрогался в его руках.

— До свидания, — сказал Чтекса. Он повернулся и ушел прочь, к тропинке. Прикрывая глаза от солнца, Кливер смотрел ему вслед.

— Ну и что из этого? — сказал физик. Лучшим подарком для тебя было бы если бы эта Гадюка вручила на блюде свою голову. А так, это оказался лишь горшок.

Руиз-Санчес не ответил. Он не мог говорить

даже с самим собой. Он повернулся и, крепко придерживая вазу под мышкой, начал карабкаться вверх к шлюзу. Он еще поднимался, когда над ним быстро пролетела тень — стрела крана погрузила в грузовой отсек корабля последнюю корзину Кливера.

Он стоял в шлюзе и прислушивался к усиливающемуся завыванию судовых генераторов. Из дверей ему под ноги упал луч света, отбрасывая на палубу тень. Через мгновение все закрыла вторая тень — тень Кливера. Потом свет померк стало темно.

Дверь шлюза захлопнулась.